

САРА ДЕССЕН

ДОЛГО
И
СЧАСТЛИВО

18+

Сара Дессен
Долго и счастливо
Серия «Повезет в любви»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51796437
Долго и счастливо : [роман] / Сара Дессен: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-121169-1

Аннотация

Летняя работа Луны состоит в том, чтобы помогать невестам планировать лучший день в их жизни, хотя сама она перестала верить в любовь. Ее первые отношения закончились трагически: Луна отдала Итану свое сердце, но после единственной проведенной вместе ночи все изменилось навсегда.

Когда в ее жизни появляется новый коллега, легкомысленный и самоуверенный Эмброуз, который не ищет серьезных отношений и не задерживается в них надолго, девушка понимает: будет трудно. Но даже не представляет, насколько...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	48
Глава 4	69
Глава 5	95
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Сара Дессен

Долго и счастливо

Регине Хэйс:

*за то, что заставляешь меня думать, смеяться
и подталкиваешь к тому, чтобы стать лучше*

Глава 1

Ну, все началось так.

– Дебора! – позвала я, тихонько, но настойчиво постучав в дверь, чтобы девушка поняла: не получится от меня отмахнуться. – Это Луна. Я могу тебе чем-то помочь?

По словам мамы, правило номер один в таких ситуациях: не проецировать проблему. То есть не спрашивать, случилось ли что-то, если ты в этом не уверен. Прямо как я сейчас. Хотя то, что невеста заперлась в ризнице¹ через пять минут после начала церемонии, вряд ли хороший знак.

С другой стороны двери послышались шорохи, а затем всхлипы. Еще сильнее разгорелось желание, чтобы здесь вместо меня оказался Уильям, напарник мамы и назначенный компанией помощник невесты. Но он сейчас разговаривает с матерью жениха, которая возмущается, что к алтарю пойдет мать невесты, хотя все знали, что так положено. Если вы поработаете в свадебном бизнесе достаточно долго, то поймете: проблемы могут возникнуть по любому поводу – от жениха и невесты до салфеток. И тут никогда не угадаешь.

– Дебора, – откашлявшись, позвала я, – может, принести тебе воды?

Конечно, стакан воды никогда не решал проблему, но и не

¹ Ризница – помещение для хранения и подготовки к богослужению церковной одежды и утвари. – *Прим. пер.*

причинял вреда. Это еще одна заповедь мамы. Только вместо ответа послышался щелчок замка, а затем дверь с грохотом распахнулась. Я посмотрела на лестницу, мечтая увидеть поднимающегося Уильяма, но, к сожалению, он все еще не спешил на помощь. Поэтому, вздохнув, я крепче сжала бутылку воды, принесенную заранее, и вошла внутрь.

Вода решит все проблемы.

Наша клиентка, Дебора Белл (вскоре ее фамилия станет Вашингтон, я все для этого сделаю), красивая чернокожая девушка с собранными в пучок волосами, сидела на полу маленькой комнатки в окружении скомканного подола своего белого пышного платья. А ведь оно стоило пять тысяч долларов. Я знала это наверняка, потому что Дебора не раз упоминала об этом за те десять месяцев, что длилась подготовка к сегодняшнему событию. Стараясь не думать об этом, я быстро, но все же сдерживая себя, подошла к невесте («Никогда не бегайте во время свадьбы, если только чья-то жизнь не в опасности!» – всплыли у меня в голове наставления мамы) и уже начала открывать бутылку, как вдруг поняла, что Дебора плачет.

– Ох, не надо. – Я присела перед ней, надеясь, что моя поза выглядит максимально профессионально, а затем вытащила из кармана маленькую пачку салфеток. – Твой макияж смотрится великолепно. Давай не будем его портить, хорошо?

Дебора, у которой накладные ресницы на одном глазу уже слегка отклеились, – некоторая ложь на свадьбах просто

необходима – моргнула, а затем по ее щекам вновь заструились слезы.

– Можно кое-что у тебя спросить?

«Нет», – подумала я. До ее выхода осталось девять минут.

– Конечно, – вслух ответила я.

Она судорожно, как бывает у людей, которые только успокоились после слез, и тяжело вздохнула.

– Ты... – Дебора замолчала, когда из уголков ее глаз вновь выкатились слезы, в этот раз унося с собой накладные ресницы. – Ты веришь, что настоящая любовь может длиться вечно?

На лестнице послышались чьи-то шаги. Однако, судя по звукам – то, с какой силой шедший опускал ноги на ступени, а также пыхтение и сопение, – это был не Уильям.

– Настоящая любовь?

– Да, – ответила она и подняла руку к лицу.

«Боже, нет!» – пронеслось у меня в голове, но я не успела остановить ее. И Дебора потерла глаза рукой, размазывая подводку до самого виска. Шаги позади нас стали громче, а значит, кто бы к нам ни поднимался, он скоро окажется здесь. Невеста же в это время смотрела на меня широко раскрытыми, умоляющими глазами, будто от моего ответа зависело ее будущее.

– Веришь?

Я знала, что она хочет услышать от меня «да» или «нет», и, будь это любой другой вопрос, так бы и случилось. Но я

молчала, пытаясь представить себе этот образ, – парня в белом смокинге на песчаном пляже, который с улыбкой протягивает мне руку, – и выдавить хоть что-то.

– Дебора Рейчел Белл! – раздался у меня за спиной громкий голос.

И спустя мгновение ее отец, преподобный Элайджа Белл, появился в дверях, полностью заполнив все пространство. Его костюм прилипал к телу, воротник рубашки был расстегнут, а в руке он держал носовой платок, который тут же прижал к потному лбу.

– Что ты тут делаешь? Все ждут тебя внизу!

– Прости, папочка, – простонала Дебора. – Я просто испугалась.

В небольшом промежутке, оставленном в двери грузной фигурой преподобного, я заметила Уильяма, который спешно поднимался по лестнице.

– Ну так соберись, – заходя в комнатку, сказал отец невесты, затем перевел дух, потому что явно запыхался после подъема по ступеням, и продолжил: – Я потратил на эту свадьбу тридцать тысяч с трудом заработанных долларов, которые мне никто не вернет. Если ты сейчас же не отправишься к алтарю, я сам выйду замуж за Лукаса!

После этих слов Дебора вновь разрыдалась. И мне оставалось лишь протянуть руку и беспомощно похлопать девочку по плечу. Через секунду Уильяму удалось протиснуться мимо преподобного в маленькую ризницу и приблизиться к

нам. Он даже не взглянул на меня, потому что не отрывал от невесты глаз, наполненных привычным спокойствием, а затем наклонился ниже и что-то прошептал ей на ухо. Дебора тихо ответила ему, и Уильям принялся медленно водить рукой по ее спине так, как обычно делают мамы, успокаивая непоседливого ребенка.

Я не слышала, о чем они говорили, слышала лишь громкое дыхание преподобного. А затем от лестницы вновь донесся топот. Скорее всего, это подружки невесты, шаферы и другие приглашенные отправились поглазеть, что же случилось. Похоже, всем захотелось утолить свое любопытство. Когда-то я это понимала, но не теперь. Не знаю, что сказал Уильям, но на лице Деборы появилась улыбка, хоть и неуверенная. Главное – этого оказалось достаточно, поскольку через мгновение невеста подала ему руку, и он помог ей подняться. Пока девочка рассматривала свое помятое платье, пытаясь разгладить складки, Уильям выглянул в коридор и поманил кого-то. В дверях тут же показалась визажистка с целой коробкой косметики.

– Давайте дадим Деборе пару секунд, чтобы она привела себя в порядок, – объявил он, когда одна из подружек невесты, а за ней и вторая просунули головы в проем. – Преподобный, не могли бы вы попросить всех занять свои места? Мы спустимся через две минуты.

– Лучше бы так и было, – сказал преподобный, протискиваясь мимо него к двери, отчего подружки тут же броси-

лись врассыпную, мелькнув напоследок в проеме нежными лавандовыми платьями. – Потому что я больше *не собираюсь* подниматься по этой лестнице.

– Мы выйдем, чтобы не мешать, – сказал Уильям Деборе, а затем жестом попросил меня следовать за ним.

Я послушно вышла в коридор и плотно заперла дверь.

– Мне очень жаль, – сказала я, как только мы остались одни. – Понятия не имела, что делать в этой ситуации.

– Ты отлично справилась, – вытаскивая телефон, успокоил он меня.

А затем, даже не глядя на экран, отправил сообщение маме с помощью шифра, который они использовали для скорости и конфиденциальности. Через секунду донеслось жужжание, сопроводившее мамин ответ.

– Люди спрашивают, что случилось, но пока никто ничего не понял, – посмотрев на экран, сказал он. – Все будет хорошо. Скажем, что у невесты отклеились ресницы.

Я посмотрела на часы.

– Неужели на коррекцию макияжа можно потратить пятнадцать минут?

– Насколько мне известно, это может занять даже час. – Уильям разгладил только ему заметную морщинку на брюках, а затем расправил галстук-бабочку.

– Никогда бы не подумал, что Деб занервничает в последний момент. А значит, люди все еще могут меня удивить.

– Что она тебе сказала? – спросила я.

Он прислушался к шорохам за дверью, дабы убедиться, что Дебора больше не плачет.

– О, она спросила про настоящую любовь, верю ли я, что это чувство может длиться вечно. Обычный вопрос невест перед церемонией.

– И что ты ответил?

Уильям посмотрел на меня со спокойным и уверенным выражением лица, из-за которого они с моей мамой считались лучшими организаторами свадеб в Лейквью.

– Конечно же «да», и добавил, что не смог бы работать организатором свадеб, если бы не верил в это. Любовь важнее всего.

«Ничего себе», – подумала я.

– Ты действительно в это веришь?

Уильям вздрогнул.

– О боже, нет!

В этот момент открылась дверь, и в проеме появилась Дебора. На ее лице исчез даже намек на слезы, накладные ресницы вернулись на свое законное место, а платье снова лежало идеальными складками. Она нервно улыбнулась нам, и я тоже расплылась в улыбке, хотя в голове все еще крутились слова Уильяма.

– Ты выглядишь прекрасно, – сказал он. – Давай сделаем это!

Она вложила руку в его протянутую ладонь, и они двинулись к лестнице. Визажистка с громким вздохом последовала за ними.

ла за ними, а я осталась одна.

Сейчас в притворе² мама выстраивала свадебную процессию, поправляла лямки на платьях, лацканы на пиджаках, цветы в букетах и ленты в бутоньерках. Я вновь осмотрела ризницу, где о случившемся напоминало лишь несколько смятых салфеток. Торопливо собирая их, я задумалась: «Сколько еще невест охватывало подобное волнение в момент, когда они замирали на пороге между прошлым и будущим, не в силах совершить последний шаг?» Это вызывало во мне некоторое сочувствие, самую каплю. Ведь они сами должны были сделать этот выбор. А если его делали за них, то... тогда им действительно оставалось только плакать. Хорошо, что сейчас, судя по нарастанию органной музыки, свадьба уже началась. Я закрыла дверь и направилась на первый этаж.

* * *

– Я дала бы им лет семь, – сказала мама, подняв бокал вина. – За это время у них появятся пара детей и интрижка на стороне.

– Интересно, – ответил Уильям. Подняв свой бокал, он изучал его некоторое время, а потом добавил: – Я дам им не больше трех лет. Детей не будет, и они расстанутся друзьями.

² Притвор – передний зал перед входом в храм, отделенный от него стеной с дверным проемом.

– Думаешь?

– Скорее уж такое чувство, просто Дебора слишком нервничала перед свадьбой и спрашивала о настоящей любви.

Мама пару секунд обдумывала его слова.

– Ставка принята. Думаю, ты выиграешь этот спор. За здоровье.

Они чокнулись бокалами, а затем откинулись на спинки кресел и сделали по большому глотку. После каждой свадьбы, когда жених и невеста уезжали, а гости расходились по домам и гостиницам, мама с Уильямом проводили свой ритуал. Они выпивали по бокалу, вспоминали события прошедшего дня и делали ставки: сколько проживет вместе пара, которой они помогли пожениться. Меня всегда удивляло, с какой сверхъестественной точностью они предсказывали как результат, так и срок. И, если честно, это немного пугало.

А вот для меня настоящим испытанием всегда являлся отъезд молодоженов. Было в этом что-то особенное: все собиравались вместе, чтобы проводить жениха и невесту. Здесь все чувствовалось иначе в отличие от церемонии, где все нервничало и старались сдерживать свои чувства, или приема, который больше походил на хаос, где размывались все детали. Отъезд молодоженов оставлял позади месяцы планирования свадьбы и означал начало долгой совместной жизни. Вот почему я так внимательно следила за лицами собравшихся, отмечая на них усталость, слезы или вспышки раз-

дражения. В такие моменты я не заключала пари, а загадывала желания – просила счастливого конца для каждой пары.

Конечно, клиенты не знали о тайных традициях лучшей в Лейквью компании «Свадьбы от Натали Барретт», опыт которой столь ценился клиентами, что они готовы были ждать несколько месяцев и платить огромные гонорары. Мама и Уильям просили за свои услуги огромные деньги, но результаты их работы подтверждались четырьмя толстыми папками из тисненой кожи, стоявшими в приемной их офиса. Каждая была заполнена фотографиями сияющих невест и женихов во время свадеб, которые устраивались исключительно по их желаниям: босиком на пляже, на берегу озера в официальных нарядах, на винодельне, на вершине горы, на собственном (и шикарно оформленном) заднем дворе... Это были многолюдные свадебные вечеринки и скромные празднества. Невесты надевали развевающиеся платья белых или других цветов с длинными шлейфами и разрезами (что, как я узнала, означало второй или третий брак). Разница между обычной церемонией и той, что организовывала компания, была сродни разнице между зоомагазином и цирком. Если первый вариант – это простая регистрация брака двух людей, то празднества «от Натали Барретт» считались незабываемыми событиями.

На свадьбе Деборы Белл – все запланированные события в компании называли по имени невесты, потому что для нее этот день имел наибольшее значение, – не было никаких

изысков. Церемония проходила в церкви, а прием – в ресторанном зале соседнего отеля. В свиту жениха и невесты вошли пять подружек и пять шаферов, а также носильщик колец и цветочница. Однако, в отличие от многих, они выбрали музыкальную группу (мамы обычно предпочитают заказывать диджея: чем меньше людей, тем меньше проблем), а ужин разносили официанты (сейчас все чаще выбирают кейтеринговые службы и шведский стол). Празднество, как это часто бывало, закончилось фейерверком, который хоть и стал яркой точкой, но пробил значительную брешь в кошельке заказчиков. Несмотря на недавнюю драму, раскрасневшаяся и счастливая Дебора с широкой улыбкой на лице бежала к лимузину рука об руку со своим новоиспеченным мужем. Усевшись в машину, молодожены тут же начали целоваться, не дожидаясь, пока за ними закроют дверь, что явно не понравилось преподобному. Но через мгновение он уже промокал глаза, глядя вслед отъезжавшей машине, а жена хлопывала его по руке.

«Счастья, – мысленно пожелала я молодоженам, когда задние фары скрылись из виду. – Пусть у вас всегда будут ответы на самые важные вопросы друг друга!»

На этом свадьба закончилась – точнее, для них, но не для нас. Сначала мама и Уильям провели ритуал с вином и парри, а затем мы вместе отправились осматривать зал в поисках потерянных вещей, забытых свадебных подарков и отключившихся или, хм, иначе занятых гостей (поверьте, такое

часто бывало). После этого мы погрузили в наши машины планшеты для бумаг, папки, швейные наборы, двусторонний скотч, коробки с бумажными салфетками, запасные удлинители, зарядные устройства для телефонов, а также коробки с успокоительным и наконец отправились домой. Следующий день обычно мы проводили дома, чтобы хоть немного отдохнуть, а затем возвращались в офис, усаживались перед огромной белой доской в мамином кабинете, на которой она писала и обводила дату следующей свадьбы. И все начиналось снова.

Хоть мама и Уильям шутили, что устали – причем достаточно часто, – оба, бесспорно, любили этот бизнес. Он стал их страстным увлечением, в котором они стремились быть лучшими, даже до того, как я повзрослела и решила помогать им летом. В детстве я раскрашивала картинки за огромным маминым столом, пока она обсуждала с невестами списки гостей и план рассадки. А теперь сидела рядом с ними и делала заметки в своем блокноте (разумеется, в кожаной обложке и с гравировкой «Свадьбы от Натали Барретт»). Этого всегда от меня ждали, такое развитие событий было просто неизбежно. Мама считала компанию семейным бизнесом, а я являлась единственным членом ее семьи. Если не считать Уильяма, который давно стал нам родным.

Они с Уильямом повстречались шестнадцать лет назад, после того как отец бросил нас, хотя мне было всего два. В то время родители жили в хижине посреди леса, пример-

но в пятнадцать километрах от Лейквью. Там они разводили кур, выращивали органические овощи и делали свечи из пчелиного воска, которые продавали по выходным на местном фермерском рынке. Отцу было всего двадцать два, но он уже носил густую бороду, редко надевал обувь и в свободное время писал стихи про экологию, чтобы закончить сборник, начатый еще до моего рождения.

Мама была на год младше его и вегетарианкой до мозга костей. В свободное время она обслуживала столики в кооперативном кафе неподалеку и плела из воощеных шнуров браслеты, напитанные «энергией земли». Родители познакомились в колледже, во время протеста против государственной системы образования, которая казалась им «настоящим злом, угнетающей, женоненавистнической и жестокой по отношению к животным». По крайней мере, именно эту фразу я прочитала на листовке, найденной в коробке в дальнем углу маминого шкафа, где она хранила все, что осталось от предыдущей жизни (если не считать меня). Еще там лежали уродливая свеча из пчелиного воска, браслет из воощеных шнуров, который ей надел отец вместо кольца на их свадьбе (они сыграли ее посреди поля, на каком-то музыкальном фестивале под открытым небом, а священником выступал их друг, подписавший свидетельство именем «Король Вии!»), и единственная семейная фотография моих родителей. Они позировали в саду, босые и загорелые, с граблями в руках, а я, совершенно голая, сидела на земле у ног мамы, рассмат-

ривая капустаный лист. Даже имя они подобрали мне оригинальное, решив совместить два своих: Натали и Луис. В итоге я стала Луна.

Мне всегда казалось, что коробка в шкафу слишком маленькая для человека, у которого в прошлом были большие убеждения. И от этого становилось грустно. Мама же вспоминала о том времени, лишь когда клиенты задавались вопросом, нужно ли тратить неприличную сумму на свадьбу своей мечты. «Ну, я вышла замуж посреди поля за любителя розовых очков, – говорила она. – И, думаю, именно это обрекло наш брак с самого начала. Но это мой опыт». А затем она замолкала на пару секунд, давая клиентам возможность задуматься над ее словами и представить Натали Барретт – в дорогой, сшитой на заказ одежде, с идеальной прической и макияжем, а также с бриллиантовыми серьгами, кольцом и ожерельем – в роли хиппи-оборванки в неудачном браке. Конечно, у клиентов это не получалось, и они ставили подпись в нужной графе контракта, рассчитывая, что их судьба будет иной. Ведь лучше перестраховаться, чем жалеть об упущенной возможности.

Но, по правде говоря, брак родителей распался не из-за свадьбы в поле, а из-за отца. После трех лет жизни в лесу, где он делал свечи и «писал стихи» (по словам мамы, на самом деле он ни разу не брался за перо), ему все надело. И в этом не было ничего удивительного. Папа вырос в Сан-Франциско, в семье, владевшей не менее чем двенадцатью роскошны-

ми автосалонами, и ему уж точно не подходила жизнь хиппи-фермера. Как только они с мамой обменялись клятвами, его отец пообещал, что, если сын оставит жену, а впоследствии и ребенка, то получит собственный дилерский центр «Порше». Мама и раньше считала коммерцию настоящим злом. Так что, когда ее возлюбленный принял предложение, лишь еще сильнее уверовала в это. Спустя три года, в течение которых они не общались, мы узнали, что отец погиб в автокатастрофе. Не помню, чтобы мама плакала или грустила, хотя, наверное, должна была. Меня это тоже никак не задело. Невозможно жалеть о том, чего никогда не имел.

Всю свою сознательную жизнь я знала лишь маму. Я не только выглядела как она: те же черты лица, темные волосы и смуглая кожа – мы были действительно очень близки. Мы всегда были друг у друга единственными еще и потому, что ее богатые пожилые родители отrekliсь от дочери после брака посреди поля. Когда отец нас бросил, мама продала хижину в лесу и, прихватив меня, переехала в Лейквью. Здесь она поработала в нескольких ресторанах, потом устроилась администратором в химчистку «Одежда и прочие вещи» и продавцом в магазин посуды. Да, наверное, нет вещей более ориентированных на коммерцию, чем свадьбы, но ей нужно было как-то растить ребенка. К тому же в прошлой жизни она ходила на уроки этикета в загородном клубе. Может, этот мир и вызывал у нее отвращение, но мама хорошо его знала. Поэтому неудивительно, что спустя какое-то вре-

мя невесты начали просить ее помочь с выбором фарфоровых тарелок или столового серебра.

Через год в тот магазин устроился Уильям. К тому времени о маме по сарафанному радио узнало уже множество невест. И, пока она обучала новичка всему, что знала, они стали лучшими друзьями и по несколько часов вместе болтали с невестами и выслушивали их жалобы о проблемах с планированием свадеб. Тогда-то они и узнали, кто привозит заказы в срок, а кто опаздывает, и постепенно начали собирать телефоны местных флористов, кейтеров и диджеев, чтобы рекомендовать другим. К ним все чаще и чаще стали обращаться за помощью в планировании праздников, а затем они сами организовали несколько свадеб. Неудивительно, что во время обедов или посиделок после работы они начали обсуждать совместный бизнес. И, заключив договор о партнерстве и взяв деньги у матери Уильяма в кредит, открыли свою компанию.

Из-за того, что мама получила долю в пятьдесят один процент, а Уильям – в сорок девять, ее имя значится на вывеске. Но это лишь с юридической точки зрения. Потому что, какой бы ни была свадьба, они организовывали ее вместе. Они любили говорить друг другу и всем, кто их слушал, что «шли навстречу своей мечте и ни разу не потерпели неудачу». Только это не распространялось на их личную жизнь. После расставания с моим отцом мама почти ни с кем не встречалась или выбирала мужчин, с которыми изначально-

но не планировала серьезных отношений, как она говорила, «чтобы не питать пустых иллюзий». А Уильям еще лет с восьми определил строгие стандарты своего спутника и до сих пор его не встретил. Но иногда забывал про это на короткое время, и в его жизни появлялись мужчины, тоже не стремившиеся к совместной жизни. И мама, и Уильям утверждали, что настоящей любви не существует, несмотря на то что именно на этой иллюзии основана их работа. Поэтому они и не тратили время на ее поиски, к тому же всегда могли рассчитывать друг на друга.

Когда я была ребенком, мне это казалось неправильным. Но, к сожалению, мама и Уильям с малых лет внушали мне свои циничные определения к таким словам, как «романтика», «вечность», «любовь» и многим другим. И это, мягко говоря, выбивало из колеи. С одной стороны, я посвящала все свое время воплощению желаний невесты, перебирала с ней варианты церемоний и мест, где они могли проходить, а также вникала в каждую мучительную деталь: от приглашений на свадьбу до тортов. Но, с другой стороны, как только клиенты скрывались за дверью, тут же слышала комментарии, что все это – обман, что хороших людей на самом деле редко где встретишь и что всем намного лучше жить в одиночестве.

Неудивительно, что несколько лет назад, когда моя лучшая подруга Джилли вдруг начала засматриваться на мальчиков, я не спешила к ней присоединиться. Я была четыр-

надцатилетней девчонкой, которая смотрела на мир с горечью разведенной женщины среднего возраста, которая снова и снова повторяла как мантру все, что ей внушали. «Не строй больших надежд, потому что он лишь разочарует тебя», – качая головой, говорила я, когда подруга переписывалась с каким-нибудь здоровяком футболистом. А когда та с преувеличенным драматизмом размышляла, стоит ли признаваться парню, что он ей нравится, то и вовсе предупреждала: «Не делись с ним тем, что не готова потерять». Так что, пока сверстники общались и, возможно, флиртовали в небольших группах, я стояла отдельно, в переносном смысле и буквально, как какая-то зануда, появляющаяся в конце каждой романтической комедии или под финальную песню о любви. Ведь я училась у лучших. И в этом нет моей вины. Что, впрочем, не делало меня менее раздражительной.

Но прошлым летом, жаркой августовской ночью, все изменилось. Пусть и на некоторое время, я *поверила* в любовь. А в результате стала обладательницей самого разбитого из сердец. И, что еще хуже, мне было некого в этом винить, кроме себя. Если бы я только дважды сказала «нет», а не только один раз, и ушла домой, в собственную постель, оставив эти романтические бредни позади, пока у меня была такая возможность!.. Ну да ладно.

В этот момент мама допила остатки вина и отодвинула бокал в сторону, вырывая меня из мыслей.

– Уже полночь, – посмотрев на часы, сказала она. – Мы

все собрали?

– Нет, нужно еще кое-что отнести в машины, а потом свободны, – ответил Уильям, а затем встал и поправил свой костюм.

Обычно мы надевали на мероприятия официальную одежду, но чуть скромнее, чем гости. Так мы сливались с толпой, но при этом *слегка* выделялись на общем фоне. Этокое хрупкое равновесие, как и все в этом бизнесе.

– Луна, осмотри вестибюль и выходи на парковку, а я проверю все здесь и в ванных комнатах, – добавил он.

Я кивнула и направилась к дверям через опустевший ресторанный зал, если не считать нескольких официантов, которые расставляли стулья и убирали бокалы. Лампы прекрасно освещали помещение, так что я с легкостью замечала на полу то тут, то там цветочные лепестки и смятые салфетки, а также бокалы и пивные банки. В вестибюле тоже никого не было, кроме какого-то парня, высунувшегося в приоткрытую дверь и курившего сигарету под табличкой «НЕ КУРИТЬ».

Я вышла через парадную дверь в прохладу ночи. На стоянке тоже царил тишина, и вокруг не было никого. Вернее, мне так казалось, пока я не повернулась и не увидела одну из подружек невесты, высокую чернокожую девушку с косами и кольцом в носу (Малика? Малина?), которая стояла рядом с клумбой. Сжимая в руке салфетку, она промокала глаза, а я в очередной раз задумалась, что же такого эмоционального

в свадьбах и почему слезы на них так заразительны.

В этот момент она подняла глаза и увидела меня. Я выразительно посмотрела на нее, и девушка грустно улыбнулась, а затем покачала головой, говоря, что ей не нужна моя помощь. Бывают моменты, когда необходимо вмешаться, и моменты, когда стоит оставить все как есть. Я уже давно поняла разницу. Некоторые любят выставлять свою печаль напоказ, но большинство предпочитает плакать в одиночестве. И если бы не моя работа, я бы с радостью позволила людям это.

Глава 2

– Знаешь, твоя работа ставит крест на моей личной жизни, – донесся голос Джилли из моей гардеробной.

– Ты часто это говоришь, – ответила я.

– Потому что так считаю. – Раздался глухой удар, а потом что-то упало. – Ого. Это розовое платье без бретелек? Непохоже на тебя. Я его примерю. Кроуфорд, отвернись.

Я посмотрела на ее десятилетнего брата, стоявшего у моего стола и читавшего учебник по математике. Он поправил очки, вздохнул и отвернулся от шкафа. А я пересадилась на другое колено и попыталась высвободить волосы из ее крепкой хватки. Как только мне удалось это сделать, она почесала десны о мое плечо, оставляя мокрое пятно от слюней на рукаве рубашки. Поскольку у Джилли родители постоянно пропадали на работе, разъезжая по городу на собственных фургонах с едой, подружке часто приходилось выполнять роль няни.

– Отлично! – объявила она через мгновение.

А затем вышла из гардеробной в сарафане арбузного цвета, который был явно ей мал. Кроме того, насколько я помнила, у него были бретели. Но Джилли любила узкие и короткие вещи, которые надевала, чтобы подчеркнуть свои пышные формы. И хотя мне такой стиль не нравился (по большей части), я восхищалась ее уверенностью в себе. Большинство

девочек в нашей школе постоянно твердили о диетах и растяжках на бедрах, но моя подруга вместо салатов предпочитала съесть пончик. И это была лишь одна из миллиона причин, почему я ее так любила.

– Что скажешь?

– Что здесь еще должны быть бретельки, – ответила я, подходя к ней и доставая одну из них. – Видишь?

Джилли оглянулась через покрытое веснушками плечо.

– Ой, ну, по крайней мере, они тонкие. Достанешь вторую?

Я тут же выполнила ее просьбу, а Бин в это время попыталась ухватить сестру своими пухлыми пальцами. Джилли всегда приходила ко мне в одном наряде, а уходила в другом. У меня даже была целая полка с ее вещами, сложенными так же аккуратно, как и мои. Но она всегда игнорировала ее, когда заходила в гардеробную.

– Так, давай обсудим сегодняшний вечер, – сказала она, просовывая руку в лиф и поправляя свою большую грудь в тесном платье.

Моя грудь дотягивала лишь до скромной С, а Джилли уверенно выбирала D, поэтому в моей одежде всегда смотрелась эффектно, в отличие от меня.

– Парни встретятся с нами в «Бендо» после выступления последней группы, которая называется «Катастрофа».

– «Восхитительно или катастрофично», – поправила я.

– Верно. – Она повернулась ко мне спиной, чтобы я за-

стегнула молнию на сарафане. – Ты можешь присоединиться к нам после свадьбы. У вас же сегодня пораньше все закончится, верно?

– Нет, сегодня у нас полноценная шестичасовая свадьба. Так что освобожусь не раньше десяти.

– Это платье слишком узкое, – сказал Кроуфорд, как всегда, ровным и спокойным голосом.

Я ни разу не слышала, чтобы он говорил по-другому, с тех пор как они с семьей переехали в дом за узким ручьем, который отделял наш участок от соседей. Нам с Джилли тогда было по десять лет, ему – всего два, а близнецов и Бин вообще не было. Их родители ко всему относились со всей серьезностью, включая и деторождение.

– Не беспокойся обо мне. Лучше почитай книгу, – бросила она в ответ, слегка приподнимая грудь.

– Это книга Луны, – проворчал он и перевернул страницу. – Кроме того, Бин нужно поменять подгузник.

Так вот чем так пахло! Кроуфорд чертовски умный и смысленый парень, хотя не умеет общаться с людьми.

Джилли молча забрала у меня Бин и посадила на пол, а затем отдала ей один из своих тянущихся браслетов.

– Хватит искать отмазки, – сказала она, – прошел уже почти год. Пора вновь возвращаться в люди. Ты не сможешь вечно прятаться за работой.

– Под «в люди» ты подразумеваешь грязный и пропахший потом клуб?

– В этом случае – да.

– В грязи живут микробы, – встрял в наш разговор Кроуфорд, – а они вызывают болезни.

– Приходи просто послушать музыку, и мы заглянем на вечеринку или две, – игнорируя брата, сказала Джилли, пока Бин пыталась забраться под мою кровать. – Будет весело. Я обещаю.

– Секундочку. Ты ничего не говорила про вечеринку. И уж тем более про две.

Она громко выдохнула, хотя я не заметила, когда Джилли успела сделать вдох.

– Луна, я – твоя лучшая подруга, – взяв меня за руки, напомнила подруга. – Я знаю, через что ты прошла за последний год и чего боишься. Но мы еще молоды. Впереди нас ждет целая жизнь. И это классно, ведь так? Не трать впустую целые годы.

И в этом вся Джилли. Она во многом превосходила других и была пухлой, громкой и энергичной девушкой, которую совершенно не заботило, что о ней думают другие. Она всегда таскала за собой как минимум двух братьев и сестер, присваивала себе мою одежду и была одержима идеей найти мне парня, даже если – а тем более когда – мне этого не хотелось. Но все же, несмотря на все эти разочарования и наши совершенно разные характеры, время от времени Джилли говорила прямо в глаза что-то невероятно искреннее и, черт возьми, верное. И эта сердечность, сбивающая с толку,

как и остальное в ней, перекрывала все ее недостатки. Несомненно, мне повезло.

– Постараюсь добраться к вам, – сказала я.

– О большем я и не прошу.

Джилли наклонилась вперед, а затем небрежно чмокнула меня в щеку. Ее телефон запищал. Она тут же вытащила его из лифчика – ее излюбленного места – и посмотрела на экран.

– У близнецов гимнастика, я и забыла.

– Ненавижу гимнастику, – сказал Кроуфорд. – Там пахнет ковриками и немытыми ногами.

– Он прав, – подтвердила Джилли и снова посмотрела на себя в зеркало. А затем ее брови поползли вверх, когда она скользнула взглядом по моему шкафу. – Подожди-ка, у тебя новые сандалии? Держи телефон! Так и знала, что не зря сделала педикюр.

С этими словами она обогнула меня и прошмыгнула мимо моих повседневных туфель в дальний угол гардеробной, а затем схватила пару черных сандалий с тонкими ремешками и золотым кольцом, которые я надевала всего раз. Но даже одного взгляда на то, как ее большой палец свисает с них, хватило, чтобы мое сердце сжалось в груди.

– Нет! – воскликнула я чуть более резко, чем хотелось. – Только не эти.

Джилли посмотрела на сандалии, а потом на то место, где они стояли. И через мгновение на ее лице отразилось пони-

мание.

– А, точно, – кивнула она и опустила обувь обратно на пол. – Прости.

Я ничего не ответила, пытаясь взять себя в руки и понять, почему все еще так больно? Когда Джилли наклонилась, чтобы взять Бин, я почувствовала взгляд Кроуфорда: он смотрел на меня с тем же мрачным выражением, что и всегда. И хотя он был всего лишь ребенком и ничего не понимал, захотелось отвернуться.

Через несколько минут они ушли с тем же гамом, что всегда сопровождал их: Бин кричала, а Джилли и Кроуфорд ссорились. Выйдя на задний двор, подруга обернулась и помахала мне рукой. Я ответила ей тем же, и они зашагали по траве к своему дому. Джилли с легкостью перепрыгнула через ручей, несмотря на то что держала в руках Бин, а Кроуфорд остановился и наклонился получше рассмотреть что-то у самой кромки воды. Но через мгновение подруга прикрикнула на брата, и тот поспешил вслед за ней.

Комната снова погрузилась в тишину, какая бывала всегда, когда Бейкеры покидали дом. Конечно, они были не такой уж и дружной семьей, но я даже не представляла, какой стала бы моя жизнь, если бы они не поселились по соседству. В нашем с мамой доме царили чистота и тишина. И с первого дня знакомства с Джилли меня успокаивало, что рядом есть постоянный хаос. Нам всем иногда хочется затеряться в толпе.

Но сейчас, оказавшись в одиночестве, я вернулась в гардеробную. Зайдя в маленькую темную комнатку, я по очереди подняла с пола черные сандалии и положила их на привычное место, под черное платье, которое тоже надевала всего лишь раз. Сейчас мне казалось, что они принадлежат не мне, а девушке из прошлого. Но я все еще не могла избавиться от них. Пока не могла.

* * *

– Как же я люблю третьи свадьбы! – радостно сообщил Уильям, когда мы стояли у бассейна загородного клуба, наблюдая, как гости занимают свои места. – Все такие расслабленные. Думаю, нам стоит специализироваться на них и прибрать к рукам эту нишу.

– Вот только они случаются не так часто, – вернула нас на землю мама. – К тому же ты будешь скучать по нервным молодым невестам. И это стало бы пустой тратой твоего дара.

– Верно, – согласился он, не сводя взгляда с пожилого мужчины в облегающем костюме, который собирался сесть на один из стульев в первом ряду, приготовленных для членов семьи.

Уильям тут же подобрался, как кошка, готовая наброситься на свою жертву. У меня даже перехватило дыхание от ожидания, но через мгновение мужчину взяла под руку жена и утащила к задним рядам.

– Кстати, раз уж речь зашла о молодых невестах, я разговаривал с Би, – продолжил Уильям, – и в понедельник утром она подтвердила свое согласие.

Мама вздохнула.

– Уильям, ты же знаешь, как я ненавижу спешку.

– Свадьба состоится в августе. А сейчас апрель.

– *Конец* апреля, – возразила мама. – И все было бы прекрасно, будь это третья свадьба. Но это не так. Жених и невеста из высшего общества, что подразумевает соответствующий уровень обслуживания, а значит, мы должны были начать планировать свадьбу еще год назад.

– Ты забываешь про баснословный бюджет, – заметил Уильям.

– Деньги решают не все.

Мама замолчала, но я и так знала, что должно за этим последовать. Конечно же «и душевное спокойствие важнее».

– Но, если ты согласишься, они готовы раскошелиться.

Разговор вновь сменила тишина, когда еще один гость направился к первому ряду. Еще несколько минут, и Уильям достанет заранее подготовленные карточки с надписью «ЗАНЯТО» (подписанные его почти каллиграфическим почерком, который красовался на всех официальных бумагах в «Свадьбах от Натали Барретт») и разложит их на стульях. Обычно он сопротивлялся этому до последнего, не желая добавлять лишнего в уже украшенный зал, даже красиво напечатанные карточки. Но не стоит недооценивать идиотизм

людей. Это была еще одна заповедь мамы.

– Осталось двадцать минут, – повернув запястье и взглянув на часы, сказала она. – Положи несколько карточек, чтобы нам не пришлось звонить в полицию. Луна, можешь взять на себя РЗР?

Я кивнула и вытащила телефон, чтобы еще раз проверить, включила ли беззвучный режим. Мне частенько приходилось отвечать за рассадку задних рядов (сокращенно РЗР) на таких мероприятиях, особенно если гости норовили занять не свое место. Это была одна из вариаций нашего тройного подхода: мама выстраивала свадебную процессию, я следила за тем, как они прошествуют по проходу, а Уильям встречал их у первых рядов. Он бросался в бой, если кто-то падал в обморок, ронял кольца, забывался или если девочки-цветочницы и носильщики колец вдруг устраивали истерику посреди церемонии. (По отдельности это случалось довольно часто, все сразу произошло лишь на одном мероприятии, которое мы теперь называем «Катастрофа».)

Мы направились к своим местам. Это была свадьба Евы Литтл, к которой мы готовились последние девять месяцев. Но Уильям не ошибся: она оказалась довольно легкой. Невесте было за пятьдесят, жениху – и вовсе за семьдесят, оба имели много денег и мало пожеланий. Вернее, лишь одно: чтобы свадьба состоялась в загородном клубе Лейквью, где они познакомились, когда играли в теннис. Прием проходил в клубе, за музыку отвечал наш любимый диджей, и все

должно было закончиться ровно в десять вечера.

Единственное неудобство доставляла Беатрис, дочь невесты. Она обручилась со своим парнем пару недель назад и решила, что ее церемонию тоже должна была организовать компания «Свадьбы от Натали Барретт». Но ситуацию усложнял тот факт, что они собирались пожениться в середине августа, перед тем как уехать в другой конец страны, чтобы пройти ординатуру в больнице. Так что времени на подготовку практически не осталось. Обычно из-за листа ожидания и одержимости мамы все контролировать мы редко брались за заказы в последнюю минуту. Но подготовка к свадьбе Евы Литтл прошла так легко и они потратили так много денег, что Уильям сдался. А это было как минимум процентов сорок успеха.

Я подошла к задним рядам стульев, которые помогала расставлять еще пару часов назад, и встала у самого прохода. Как всегда, сзади сидело несколько человек, что наверняка раздражало Уильяма, потому что он любил, чтобы зал был заполнен равномерно. «Зачем они это делают? – возмущался он. – Неужели все еще боятся, что их вызовут к доске?» Бывало, он пользовался своим положением и пересаживал людей, хотя это случалось лишь в те дни, когда его раздражение зашкаливало.

Меня это совершенно не задевало, поэтому я просто кивнула паре, занявшей места неподалеку, а затем вытащила телефон и проверила время. До церемонии оставалось еще

пятнадцать минут, когда пришло первое групповое сообщение от мамы: «В БАССЕЙНЕ РЕШИЛИ ИСКУПАТЬСЯ».

Через мгновение, как по волшебству, из-за искусно подстриженного дерева появился Уильям. Он аккуратно перехватил женщину с ребенком в купальниках, а затем указал на знак «ПОМЕЩЕНИЕ ЗАКРЫТО ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ МЕРОПРИЯТИЙ» и отправил их назад.

И тут неожиданно заорала органная музыка, отчего все подпрыгнули на своих местах. Не дожидаясь от мамы сообщения: «КАКОГО ЧЕРТА?!», я вскочила со стула и поспешила к патио у бассейна. Увидев меня, диджей Монти тут же поднял руки в извиняющемся жесте, как бы говоря, что у него все под контролем.

Двенадцать минут. Я обернулась и посмотрела на вход во внутренний дворик, где стояла мама, склонившись над светловолосым мальчиком: он должен был нести кольца. Из всего, что могло пойти не так, мама особенно не любила фактор неожиданности, который приносили дети и собаки, поэтому старалась предугадать все, что возможно в обоих случаях. Если на церемонии были животные, она запасалась нарезанными хот-догами, которые закрывала в пакет на молнии и прятала в кармане. С детьми срабатывали конфеты в качестве взятки и строгий голос, правда, с последним нужно было чувствовать меру. Ведь на свадьбах хватало эмоций и без детского плача.

Через семь минут я вновь сидела на своем месте, наблю-

дая, как Уильям оглядывает толпу, пока последние гости занимают свои места. Всякий раз, когда ему на глаза попадался пустой стул между четвертым и последним рядами, он едва заметно вздрагивал. Ровно в шесть, когда должна была заиграть музыка, мой телефон завибрировал. Я прочитала текст дважды, но так и не поняла, что пыталась сказать мама: «СН СБЕЖАЛ ОТ ПРОГУЛКИ К АЛТАРЮ».

Уильям тоже получил это сообщение и сейчас глядел на меня, подняв брови.

«ЧТО?» – напечатала я, заметив, как мужчина неподалеку от меня посматривает на часы.

«ИДИ КО МНЕ СЕЙЧАС ЖЕ» – пришел ответ. И я вскочила на ноги, не дочитав его.

«Не беги, не беги», – напоминала я себе, стараясь как можно быстрее пересечь внутренний дворик и при этом не выглядеть так, будто меня охватила паника. В вестибюле загородного клуба уже выстроилась свадебная процессия во главе с заплаканным носильщиком колец. Мимо него, а также пары подружек невесты и друзей жениха мне навстречу шли Ева Литтл – она просто сияла в своем светло-желтом платье с рукавами-лепестками (как же я любила третьи свадьбы!), – ее дочь Би и моя мама, которые говорили одновременно.

– ...нужно убедиться, что все стоит правильно, чтобы ничего не напутать, – говорила мама, когда они подошли ко мне. – Но изменения, внесенные в последнюю минуту, дела-

ют это затруднительным, скорее, даже невозможным.

– Я понимаю, – согласилась Ева, пока Би, прижав телефон к уху, осматривала комнату. – Но он только что был здесь!

– Сбежал, – сказала мне Би, будто я понимала, о ком она говорит. – Можешь посмотреть на улице?

Я покосилась на маму.

– Ты же слышала Би. Иди и посмотри снаружи!

– Да кого?! – воскликнула я. – Все уже здесь.

Я знала это потому, что одним из моих заданий была подготовка шпаргалки. Вечером перед каждой церемонией я выписывала на листок имена всех участников свадебной церемонии и членов семей молодоженов, а также контактные телефоны всех, кого мы наняли (поставщиков провизии, ди-джея, флористов), и окончательно утвержденное расписание проведения свадьбы: от прибытия гостей до нашего отъезда. Вот только сейчас мы явно выбились из него.

– Эмброуза, – сказала Ева.

Услышав это, мама попыталась (а может, даже и не пыталась) скрыть разочарование.

– Кто это?

– Мой брат, – объяснила мне Би, перекладывая букет из белых роз и лилий в другую руку. – Он не собирался приезжать, но вдруг объявился. Высокий, волосы как у меня и, скорее всего, флиртует с какой-нибудь девушкой. Если понадобится, можешь стукнуть его.

Би была великолепной блондинкой с кремовой кожей и

голубыми глазами, а еще невероятно красивой, что могло бы разозлить, если бы не милый характер.

Так, значит, СН – это сын невесты. Хотя я придумала бы ему интересный эпитет со словом «сын», если это из-за него задержалась церемония.

– Хорошо, – сказала я и направилась к выходу из вестибюля.

Прежде чем открыть дверь, в последний раз оглянулась назад и увидела, как Уильям быстро шагает по проходу, прижимая телефон к уху. Если уж мама решила позвонить ему, то дела еще хуже, чем я предполагала.

Выйдя на улицу, я быстро осмотрела парковку. Два гольфиста разговаривали возле «ауди», из багажника которой торчали клюшки, у входа в кухню парень в белой униформе переставлял ящики с овощами. И больше никого. Или мне так показалось, пока я не услышала самый мелодичный звук на свете, который мог быть лишь смехом красивой девушки.

Он доносился из-за фургона флористов, стоявшего в нескольких метрах от меня. За ним последовал еще один смешок, но в этот раз явно мужской. Я направилась к фургону, вновь задаваясь вопросом, почему не выбрала работу в кофейне, книжном магазине или где-то еще, где не придется тащить незнакомцев против своей воли на свадебную церемонию. Прежде чем обогнуть кузов фургона, я громко покашляла.

А затем впервые увидела Эмброуза Литтла. И тут же в

голове возникли две отчетливые мысли, которые связали неразрывными узами мои чувства к нему. Но в тот момент я даже не подозревала об этом. Единственное, что мне запомнилось: он был невероятно красив и его вид – хоть и мельком, в профиль, издалека – по непонятной причине раздражал меня.

Если говорить о красоте, то Би оказалась права: у них действительно были схожие черты лица и волосы одного оттенка. Но Эмброуз в смокинге и белой рубашке был высоким, нескладным, с длинными руками и ногами, четко выделенными скулами и копной светлых, старательно взъерошенных волос. Он напоминал перевернутый восклицательный знак, часто встречающийся в учебнике испанского языка перед особо сложными заданиями.

А вот с раздражением все обстояло сложнее. Может, оно было таким сильным потому, что Эмброуз оказался так же красив, как мускулистая плоскогрудая кукла-серфер, с которой я играла в детстве. Но никогда прежде я не испытывала такой сильной неприязни с первого взгляда. И от этого чувствовала себя слишком мелочной, что совершенно мне не нравилось.

Правда, в тот момент он даже не обратил на меня внимания, слишком занятый фигуристой индианкой в шортах цвета хаки и рубашке-поло с эмблемой загородного клуба. Эмброуз нависал над ней, а она прижималась спиной к «тойоте», поигрывая связкой ключей от машины. Они находились

в паре сантиметров друг от друга и никак не отреагировали на мой кашель, явно не заметив меня.

– Эмброуз, – позвала я своим самым строгим голосом.

Юноша тут же оглянулся, отчего кучерявая челка переместилась на другую сторону лба. Я непроизвольно отметила, что это была настолько идеальная прядь, буквально волосок к волоску, что хотелось протянуть руку и прикоснуться к ней. И от одной этой мысли меня вновь захлестнуло раздражение.

– Свадебная церемония начинается. Нас ждут.

Эмброуз одарил меня ленивой улыбкой богатого мальчика, демонстрируя свои зубы и уверенность в себе.

– Ну привет. А ты кто?

Девушка скорчила гримасу, явно раздосадованная таким развитием событий.

– Я организатор свадьбы в компании Натали Барретт. И тебе нужно пойти со мной. Прямо сейчас.

Он рассмеялся, а затем отсалютовал мне, коснувшись рукой челки.

– Есть, мэм! Дай мне минутку.

И с этими словами он вновь повернулся к своей подружке, которая тут же подняла к нему голову.

Некоторые люди спрашивают себя в трудную минуту, что бы сделал на их месте Иисус. Для меня же на работе был только один эталон, и мама на моем месте сделала бы все возможное, чтобы церемония состоялась. «Следующим ле-

том устроюсь в книжный или кофейню», – пообещала я себе, а затем подошла к Эмброузу Литтлу, схватила его за запястье и потащила к входу в загородный клуб.

– Какого черта? – прищурившись, выпалила девушка. – Ты не можешь просто...

Но я могла и именно так и поступила. Я ожидала сопротивления, поэтому дернула его на себя со всей силы. От этого Эмброуз потерял равновесие. Пытаясь удержаться на ногах, юноша раскинул руки и случайно ухватил меня за левую грудь. И теперь я на глазах у игроков в гольф тащила за собой парня, который при этом лапал меня. Очаровательно.

– А мне нравятся напористые девушки, – сказал Эмброуз, когда я наконец оттолкнула его руку. – Но ты *слегка* перебарщиваешь.

Я проигнорировала его слова, боясь, что не сдержусь, если отвечу. Мы почти добрались до входа, и я тешила себя мыслью: как только переступим порог, он станет проблемой мамы, а я смогу вернуться к своему законному месту и РЗР.

– Кажется, мы толком не представились, – продолжил парень, когда я свободной рукой дернула заднюю дверь. – Я Эмброуз. А ты?

– Наконец-то, – прошипела мама, устремляясь нам навстречу, как только мы шагнули в вестибюль.

Я покосилась на часы: шесть пятнадцать. А поскольку она гордилась до глубины души своей пунктуальностью и умением планировать время, то каждая минута отсрочки вызывала

у мамы сильнейшее раздражение. Возможно, Эмброуз и не осознавал этого, но, промедли он еще хоть мгновение, вполне мог бы заработать вывих руки. Поэтому неудивительно, что в ответ на свою самоуверенную и обаятельную улыбку он получил такой ледяной взгляд, что мне почти захотелось его пожалеть. Почти.

– Иди сюда! – рявкнула она, когда я отпустила руку Эмброуза и с облегчением отступила в сторону.

Он последовал за мамой без каких-либо комментариев, протестов или возражений, сразу осознав, кто здесь главный.

У меня завибрировал телефон.

«КАК ДЕЛА?» – поинтересовался Уильям.

«ВСЕ НА МЕСТЕ. ВОЗВРАЩАЮСЬ К РЗР», – ответила я.

Я прошла мимо Эмброуза и его матери, а затем и остальных участников свадебной процессии, которые нетерпеливо переминались с ноги на ногу. Когда проходила мимо подружек невесты, почувствовала прикосновение к своей руке.

– Спасибо, что отыскала моего глупого братца, – с благодарной улыбкой сказала Би.

Я кивнула, не собираясь верить ей, что это не так.

– Не за что.

Усевшись на свободное место в последнем ряду, я услышала перешептывания о причине задержки. Для большинства гул ожидающих гостей покажется одинаковым, но мы с Уильямом могли уловить разницу. К тому же он утверждал,

что энергетика неудачного начала может испортить любое событие. Поэтому я не удивилась, что Уильям, стоя за колонной, сжал губы в тонкую линию. Это был самый хмурый вид, который он позволял себе во время работы.

Наконец в шесть двадцать три заиграла органная музыка. Я обернулась в сторону прохода и увидела носильщика колец и цветочницу, которая бросала себе под ноги лепестки роз. Как только Уильям проводил их на свои места, за ними к алтарю парами последовала свадебная процессия, как животные – к Ноеву ковчегу. Когда Би проходила мимо меня, она вновь улыбнулась, и у меня возникло отчетливое чувство, что девочка привыкла извиняться за брата. Стоит ли говорить, что, когда вслед за ней к алтарю двинулись Ева с сыном, все восхищались ее желтым платьем, а этот красавчик в смокинге даже не взглянул на меня.

Свадьба – это серия особых моментов, собранных вместе, как бусины на нитке. Конечно, они прекрасны и сами по себе, но стоит их соединить, как вы получите нечто невероятное. Мы выполнили свою работу на высшем уровне, и о заминке вначале никто бы и не вспомнил уже после первого танца, тостов и разрезания торта. Но в идеальной свадьбе – да и в мире – всем хочется лучшего начала. Ведь если начать на высокой ноте, то, какой бы ни получилась песня, вам покажется, что она просто невероятная.

В девять сорок семь, несмотря на то что в десять вечеринка должна была закончиться, на танцполе яблоку негде было упасть. И меня совершенно не утешал тот факт, что я, а не Джилли, оказалась права. День, к нашему удивлению, выдался невероятно жарким для конца апреля, так что стресс, яркое солнце и несколько часов, проведенных на ногах, не лучшим образом сказались на мне. Я совсем не хотела идти в «Бендо», не говоря уже о том, чтобы встречаться с двумя совершенно незнакомыми парнями. И уж тем более танцевать. Вот почему, когда Эмброуз Литтл вышел из довольно нестройного ряда танцевавших и, заметив меня, поманил к себе, я лишь покачала головой.

И это решение далось мне проще простого, но не из-за самого Эмброуза. Золотое правило компании «Свадьбы от Натали Барретт»: «Не забывайте свое место». Ведь после долгих месяцев подготовки к свадьбе многие клиенты считали нас более чем родными. Да и такие значимые события в жизни вызывали множество эмоций и ненужных чувств. «Никто не захочет в будущем смотреть на свои фотографии и видеть, что организатор свадьбы вел себя как гость, – раз за разом твердила мама дополнительным сотрудникам, которых мы время от времени нанимали на большие свадьбы. – И если мы попадем хоть на один кадр, значит, выполнили работу

плохо».

Поэтому я не удивилась, когда меня позвали танцевать. Такое случалось, особенно на свадьбах, которые проводились на открытом воздухе. Однако я совершенно не ожидала, что Эмброуз в ответ на мое «нет» покачает головой, а затем подойдет ко мне и протянет ладонь, настойчиво приглашая присоединиться.

– Танец исцеляет, – не убирая руки, сказал юноша, как только музыка стихла и началась другая песня. – Так давай лечиться.

– Нет, спасибо, – ответила я.

Эмброуз быстро пошевелил пальцами, словно подражание актинии было способно повлиять на мое решение.

– Спасибо, но нет, – сказала я, поменяв местами единственные доступные в этой ситуации слова.

– Эмброуз! – позвала с танцпола девушка в коротком розовом платье, на босых ногах которой виднелись светлые полосы от сандалий. – Иди сюда! Ты нам нужен для паровозика!

– Слышала? – сказал он мне. – Паровозик! Ты должна участвовать в этом.

Увидев, что я вновь качаю головой, юноша громко вздохнул, затем наклонился и уперся руками в колени, словно мой ответ настолько его расстроил, что лишил последних сил. Но через секунду он опять протянул мне руку и вновь пошевелил пальцами, подражая актинии.

– Паровозик. Исцеление. Идем.

– Нет, спасибо, – повторила я.

Люди уже начали выстраиваться. Они спотыкались и цеплялись друг за друга, краснея и смеясь. Если существовал предвестник окончания приема – это был он. Эмброуз оглянулся и, усмехнувшись, вновь повернулся ко мне.

– Не переживай, – заверил он, – я не буду к тебе прижиматься.

– Тебе вообще не придется ко мне прижиматься, – сказала я, – потому что мой ответ все еще «нет».

– Разве ты не работаешь здесь?

– Так и есть.

– Значит, ты обязана танцевать.

– Это не входит в мою работу.

– Почему?

Последнее, чего мне хотелось, – это включать в свои обязанности выплясывание паровозиком.

– Я не гость, а один из организаторов. Мы не танцуем, а работаем.

Он на мгновение задумался.

– Хорошо, тогда я прошу тебя стать моей парой. И тогда ты не будешь работать.

– И это тоже невозможно, – ответила я.

– Черт, да ты крепкий орешек!

Эмброуз покачал головой, отчего его челка зашевелилась, снова привлекая мое внимание. Гости, выстроившись друг

за другом, выплясывали между столами во главе с раскрасневшимся мужчиной с сигарой во рту.

– Значит, ты ни за что сейчас не станешь танцевать со мной паровозиком, как бы я ни умолял тебя?

– Верно, – подтвердила я.

– И не передумаешь? – Он скорчил гримасу. – Проклятье! До чего же меня бесит, когда я не могу получить то, чего очень хочется.

Это прозвучало настолько странно: высокомерно и в то же время искренне, что я впервые не знала, что сказать в ответ. Но, когда мимо нас пошел паровозик из гостей, а девушка в розовом с улюлюканьем ухватила Эмброуза за ремень и утащила в ряды танцевавших, я все еще не могла забыть его слова, ведь в последнее время они возникали и в моей голове: «До чего же меня бесит, когда я не могу получить то, чего мне очень хочется».

– Как и всех нас, – тихо произнесла я, как только участники, составлявшие паровозик, двинулись дальше, петляя между столами. И вот так я осознала, что вокруг слишком много красок, жизни и смеха, а все, что мне оставалось, – это повернуться и уйти.

Глава 3

Итан тоже пригласил меня потанцевать на свадьбе, и я отказалась. В первый раз.

Но это было позже и в той части истории, которую я когда-то охотно рассказывала другим, а теперь лишь прокручивала в голове. Мне всегда казалось: чем больше проходит времени после случившегося, тем лучше все раскладывается по полочкам. Вот только на сей раз этого не произошло, и постоянно складывалось ощущение, будто я пересказываю одну и ту же историю, неважно, есть слушатель или нет.

Но сейчас я понятия не имела, как приступить к рассказу. Ведь бывает так трудно начать, когда заранее знаешь, чем все закончится.

Мы познакомились на свадьбе Марджи Лав прошлым летом. Мама не любила проводить церемонии за городом и редко бралась за их организацию: считала, ее услуги так хороши отчасти потому, что все поставщики местные. Но дедушка Марджи Лав был близким другом матери Уильяма. И поскольку именно на деньги мисс Мэй – как все ее называли – мама и Уильям открыли бизнес, отказать этой женщине мало в чем могли. К тому же в свои восемьдесят лет она жила в доме престарелых и просьбы от нее поступали не столь часто. Так что, если это случалось, мисс Мэй всегда слышала в ответ «да».

Поэтому в августе, после десяти месяцев планирования свадьбы с Марджи (в Вашингтоне) и ее матерью (в Калифорнии), мы отправились на выходные в пляжный городок Колби (где Марджи отдыхала с семьей каждое лето всю свою жизнь). Стоит добавить, что он находился всего в трех часах езды от нашего дома и оказался совсем не мрачным и не безлюдным местом, где не так часто играли свадьбы. Но мама все равно нервничала и заставила нас загрузить три фургона всевозможными вещами (и в итоге каждый из нас ехал за рулем), дабы убедиться, что у нее будет под рукой все самое необходимое для проведения торжества. Как правило, мама всегда так себя вела, по крайней мере, когда дело касалось работы. Но даже мне редко доводилось видеть ее настолько нервной и придирчивой, поэтому я молча радовалась, когда мы наконец-то выехали из дома и я оказалась в машине наедине с радио.

Правда, мне все же доставало Джилли, которая собиралась поехать со мной, чтобы потусоваться на пляже или посидеть в номере, пока я работаю. Она впервые в жизни собиралась провести выходные вдали от семьи, и мы обе с нетерпением ждали этого момента. Бейкерам нелегко приходилось без ее помощи управляться с двумя фургонами для «Сырной терапии» (они продавали наивкуснейший жареный сыр и самый насыщенный, самый сливочный томатный суп, который я когда-либо пробовала), поэтому Джилли обычно таскала за собой одного или всех братьев и сестер. Но в те

выходные родители пообещали обойтись без нее в благодарность за то, что она все лето возила близнецов на гимнастику, таскала с собой Кроуфорда и каждые два часа меняла подгузники Бин. Вот только за два дня до этого «Сырную терапию» отобрали в число двадцати участников родео фургонов с едой, проходившее в столице штата среди местных компаний. Это было такое значимое событие, что они попросили выйти на смену всех сотрудников, что поставило крест на наших с Джилли планах на выходные.

Поэтому подруга вновь проводила эти дни, присматривая за братьями и сестрами, принимая заказы для «Сырной терапии» и строя глазки симпатичным парням в столице штата. А я ехала в Колби, где должна была провести вечер пятницы, помогая маме и Уильяму с репетиционным ужином в стиле гавайской вечеринки, а субботу – на самой свадьбе (в отеле с видом на океан, серфингистов и газон, по которому пойдет невеста).

Если бы я была кем-то из гостей, вероятно, порадовалась бы возможности побывать здесь. Но в тот момент я думала только о еде и песке (которые не очень хорошо сочетались), а также о важной свадьбе, проходившей в месте, где мне еще не доводилось бывать. Дома мама составляла подробные описания каждой локации, где мы устраивали церемонии и приемы, с указанием недостатков: труднодоступных входов, скрипучих полов или грохочущих скамеек. Но за городом все было нам незнакомо.

Несмотря ни на что, я предвкушала хорошие выходные. Обещали теплую, солнечную погоду и ясное небо, к тому же большую часть времени мне предстояло провести на пляже. Зная об этом, я в начале недели разорилась на новый черный сарафан и сандалии с золотым кольцом.

Пока мы ехали на восток, городки и шоссе уступали место сельскохозяйственным полям и двухполосным дорогам, от чего напряжение, сковавшее плечи, потихоньку отпускало. И оставалось лишь надеяться, что виды за окном так же повлияют на маму, которая ехала в фургоне впереди.

Перебравшись через мост в Колби, мы свернули на главную дорогу, забитую машинами туристов. Один из указателей, мимо которых мы ползли в пробке, гласил: «СВЕЖИЕ КРЕВЕТКИ!». На другом значилось: «НУЖЕН ТРАНСПОРТ? ВОЗЬМИТЕ НАПРОКАТ ВЕЛОСИПЕД У ЭЙБА!», а ниже была изображена стрелка, направленная на прибрежную прогулочную дорожку. Через час, наполненный выхлопными газами, загорающимися стоп-сигналами и редкими взглядами на синий и необъятный океан, мы наконец свернули на стоянку многоэтажного отеля под названием «Пирс». Главное здание было таким белым, что в свете яркого солнца от одного взгляда на него начинала болеть голова. Стоило мне припарковаться и выйти из машины, как я услышала мамино ворчание. Что ж, мои надежды на расслабляющую поездку не оправдались.

– *Солнце!* – воскликнула она вместо приветствия, когда к

нам подошел Уильям.

Как обычно, он был невозмутим и безупречен в брюках цвета хаки, клетчатой рубашке с короткими рукавами и ослепительно-белых кроссовках «адидас». Я же после трех часов, проведенных за рулем, выглядела так, будто всю дорогу мяла одежду в руках. Я во многом завидовала Уильяму (почти во всем, на самом деле), но главным было то, что он всегда казался спокойным и безупречным, даже при самых ужасных обстоятельствах. «Старые добрые подавление и отрицание», – объяснял он, и это звучало не так, как мне хотелось бы. Хотя я старалась.

Сейчас же Уильям смотрел через свои очки-авиаторы на маму, которая, размахивая руками и напоминая ветряную мельницу, продолжала:

– Примерно в это же время завтра начнется вечеринка на шестнадцать персон в официальных нарядах. И нам очень повезет, если все не попадают в обморок.

– Ты забываешь о беседках, – напомнил он. – Мы настаивали на них и развевающимся тюле не только для красивого вида.

– Развевающийся тюль не поможет нам справиться с этим, – проворчала мама, вытирая лоб (на котором я не заметила и капельки пота). – Но будем думать об этом завтра. А сейчас давайте найдем представителей кейтеринговой компании и узнаем, все ли готово к сегодняшнему ужину. Луна, можешь начать разгружать фургоны? Дверь в бальный зал

должна быть где-то за мусорными контейнерами и не заперта. Нас уже ждут.

«Класс», – подумала я, но кивнула. Они отправились в помещение с кондиционером, чтобы обсудить факелы для гавайской вечеринки, а я должна была таскать коробки с очень важными вещами: подобранными мамой скатертями и стеклянной посудой – на парковке под палящим солнцем. И при этом жаловалась на погоду *она*.

В тот вечер репетиция прошла хорошо, не считая нескольких проблем: цветочница раскапризничалась, тетька невесты вдруг решила покомандовать, а священник все время что-то тараторил. Кстати, последняя проблема встречалась довольно часто. Никто не любил торопливых священников. Так что к тому времени когда Марджи и ее жених Джозеф, взявшись за руки, миновали проход под россыпью лент, имитировавших лепестки роз, все уже мечтали о выпивке. Как только гости вышли на пляж, их уже поджидали мама и официанты с бокалами шампанского в окружении гавайских факелов. И вечеринка началась.

– Что ж, репетиция окончена, – сказала она Уильяму и уважительно, но не особо сердечно кивнула властной тетушке, проходившей мимо. – Будем надеяться, что и завтра все пройдет гладко.

– Хочешь сказать, что сегодня все прошло гладко? – спросил он, провожая взглядом подружку невесты в шортах и сандалиях на высокой платформе, которая пыталась преодо-

леть ступеньки на пляж. – Мне бы так хотелось, чтобы хоть раз свадьбу проводил священник, которому нравится его работа!

– А тебе-то всегда нравится твоя работа?

– *Конечно*, – ответил он.

На мгновение повисла пауза, а затем они рассмеялись так, будто у них вот-вот случится истерика. Я закатила глаза и повернулась к двум шаферам, проходившим мимо нас. Один из них был, наверное, моим ровесником, с телом как у футболиста, короткими темными волосами, голубыми глазами и настолько милым лицом, что его легко можно было представить маленьким ребенком. Поравнявшись со мной, он подмигнул, и я почувствовала, что краснею, хотя и постаралась в ответ уважительно кивнуть, как до этого сделала мама. Когда они спустились на пляж, я почувствовала на себе насмешливый взгляд Уильяма и вновь смутилась.

После ужина гости переместились в бар отеля, что, к счастью, уже выходило за рамки наших обязанностей. Я помогла маме, Уильяму и официантам поднять стулья, а затем отнесла в отдел найденных в отеле вещей сумку, телефон и фляжку с монограммой. (Когда-нибудь я напишу целую книгу о том, что люди оставляют на свадьбах, потому как меня не покидало чувство, что это было неспроста.) К половине одиннадцатого я вернулась в свой номер, съела пачку крекеров из автомата со снеками и написала сообщение Джилли, которая торчала в гостиничном номере с Кроуфордом и смот-

рела двадцать пятую по счету передачу о рыбалке на болоте, пока «мелочь» (это ее слово) спала.

«КАК ЖЕ СКУЧНО, – ответила она. – ЕСЛИ УВИЖУ ЕЩЕ ХОТЯ БЫ ОДНОГО СОМА, ТО ЗАКРИЧУ. СКАЖИ МНЕ, ЧТО ХОТЬ ТЫ СОБИРАЕШЬСЯ ПОЙТИ И СДЕЛАТЬ ЧТО-ТО ГРАНДИОЗНОЕ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ!»

«НУ КОНЕЧНО», – написала я.

«ТАК Я И ПОВЕРИЛА. ДЕРЖУ ПАРИ, ТЫ УЖЕ В КРОВАТИ».

Я скомкала обертку от крекера и бросила ее в ближайшую мусорную корзину, но промахнулась.

«СДЕЛАЮ ЧТО-НИБУДЬ ГРАНДИОЗНОЕ ЗАВТРА. ОБЕЩАЮ».

«ЛОВЛЮ НА СЛОВЕ. ЕСЛИ УЖ Я НЕ МОГУ, ТО ТЫ ТОЧНО ДОЛЖНА ЭТО СДЕЛАТЬ!»

Я скривилась. Джилли не в первый раз высказывала мне это, потому что считала, будто я впустую растрачиваю свободное время, которое не обременено братьями и сестрами, а также постоянно пропадающими в фургонах с едой родителями. А затем добавляла: «Будь я на твоём месте, то не отсиживалась бы в углу, а стремилась бы навстречу приключениям». (Вот только она никогда не объясняла, какие приключения искала бы, потому что от неопределенности любая фантазия становилась лишь привлекательнее.) Более того, она считала, что я впустую трачу не только свою жизнь, но и ее, потому что не гуляю по пляжу, а сижу в постели,

усыпанной крошками от крекера, и смотрю специальный выпуск новостей про какое-то таинственное убийство. Но я не была Джилли и никогда ею не буду, хотя и поделились бы с ней частью своего свободного времени, если бы могла. Она действительно это заслужила.

На следующее утро, после ранней пробежки и заплыва в бассейне отеля, я приняла душ и отправилась на наш стратегически важный и заранее запланированный завтрак с мамой и Уильямом. Усевшись за стол с булочками, кофе и фруктами, мы сверяли расписание, распределяли обязанности на день и просматривали шпаргалки, распечатанные мною в бизнес-центре отеля. В половине одиннадцатого я уже колесила по Колби в своем фургоне в поисках фактически ненужных вещей. Согласно моему (пуленепробиваемому) списку, мне предстояло отыскать Библию в твердой и привлекательной, но не слишком рельефной обложке (потому что родители забыли экземпляр, принадлежавший семье, дома), четыре черных галстука-бабочки и «кучу пенни, желательно блестящих и отполированных».

Эти предметы было бы сложно отыскать даже в Лейквью, несмотря на несколько торговых центров и район с различными процветающими лавочками в центре города. А в Колби оказалось не так уж много магазинов, поэтому через час мне удалось раздобыть только галстуки-бабочки. В единственном месте, где продавали официальную одежду, «Все для важных событий у Лилли», не слишком-то обрадовались

покупке аксессуаров в последнюю минуту. Мне пришлось пообещать, что верну галстуки-бабочки в полдень воскресенья, заплатить за них двойную цену и сунуть еще сорок баксов владелице, чтобы она разрешила мне их забрать. Но даже после этого я ощущала на себе прожигающий спину взгляд, пока шагала до машины. Поэтому к тому времени, когда мне удалось отыскать Библию в местном книжном магазине, чувствовала себя выжатой как лимон и беззастенчиво умоляла дать мне хотя бы несколько пенни, которые мне в итоге вручили просто из жалости.

– Ты вернулась, – сказала мама, когда я наконец-то зашла в отдельное обеденное помещение рядом с бальным залом, которое мы использовали как командный штаб. На соседнем столе выстроились в ряд все цветочные композиции, а рядом с ними стопкой лежали программы. – Ты достала пенни?

– Да, правда, всего несколько, – сказала я. – И они не блестящие.

А затем достала мелочь из кармана и высыпала ее рядом с мамой, которая сидела во главе стола, разложив перед собой веером папки. В каждой из них хранились задания, которые было необходимо сделать до начала церемонии, и она перебирала их, проверяя готовность.

– Это не так важно, главное – у нас будет что положить вместе с карточками.

– С карточками?

Вместо ответа она потянулась за желтой папкой и поло-

жила ее прямо перед собой. В «Свадьбах от Натали Барретт» каждому заданию соответствовал свой цвет. Поэтому, даже не взглянув на надпись (сделанную почерком Уильяма), я знала, что в ней хранятся все последние указания будущих молодоженов. Открыв ее, мама достала лист и протянула мне.

– Мать Джозефа звали Пенни. Она умерла от рака, когда ему было десять. Поэтому жених и невеста решили почтить ее память, раздав гостям карточки с ее именем, датами рождения и смерти, а также ярким и предпочтительно блестящим пенни.

– И это они придумали за последние два часа? – спросила я, потому что не помнила, чтобы слышала о чем-то подобном за последние месяцы.

– Они решили это вчера вечером, после ужина.

Это так ужасающе часто случалось, что у нас даже была своя аббревиатура для таких случаев: РПВБ, что означало «Решение, принятое в баре».

– Пожалуйста, скажи мне, что ты шутишь.

– Мне бы очень этого хотелось, – с усталым видом вздохнула мама. – Знаю, ты меня возненавидишь, но мне нужно, чтобы ты вернулась в город и забрала карточки из типографии. Я уже заказала их, оплатила срочную печать, и они готовы.

– Ты серьезно?

– Я же сказала, что ты меня возненавидишь, – ответила

она, будто от этих слов мне должно было стать легче.

К тому же я в любом случае ее не возненавидела бы, ведь это не она натолкнула невесту на РПВБ. Мама была слишком организованной для этого.

– Просто помни, – продолжила она, – следующим летом ты уедешь отсюда в колледж. И больше никто не будет придумывать что-то еще в последнюю минуту. Ты сможешь найти нормальную работу, например, продавцом в продуктовом магазине.

Она не так давно начала говорить мне подобное в такие моменты, словно перспектива взвешивания огурцов могла смягчить любой удар. Хотя меня удивляло, что она вообще упоминала о моем окончании школы, ведь это вызывало целую бурю эмоций. Пока.

– Я прекрасно понимаю, что ты пытаешься сейчас проверить, но идея поработать на фермерском рынке меня сейчас совершенно не прельщает, – ответила я.

– Нет? – Она жалостливо посмотрела на меня. – А как насчет такого: привези карточки, и я обещаю, что, если не случится каких-либо непредвиденных катастроф, ты сможешь уйти пораньше.

– Уточни, что ты подразумеваешь под катастрофами.

– Нет, я не стану этого делать. Не стоит искушать судьбу. – Мама захлопнула папку. – Просто согласись на мое предложение. Вечер на пляже! И перспектива работы в овощном бизнесе.

– Это совершенно не смешно, – проворчала я.

– Может, и нет. Но я в отчаянии. – Она бросила извиняющийся взгляд на ключи от фургона, которые я только что положила рядом с монетами. – И это не шутка. Я бы не стала настаивать на поездке. Но...

– ...клиент всегда получает то, чего хочет, – закончила я еще одну из ее излюбленных мантр и взяла ключи. – Но пенни начищать не стану. С этим разбирайтесь сами.

– Отлично. Это сделает Уильям.

– Погодите-ка, – ответил мужчина, входя в комнату, – что я должен сделать?

Мама притворилась, будто не услышала его вопроса.

– Только подумай о том, сколько огурцов ты взвесишь следующим летом! – крикнула она мне вдогонку, когда я вышла в коридор. – Такая простая работа! И такая расслабляющая!

Я ничего не ответила, лишь махнула на прощание рукой, а Уильям ошарашенно переспросил: «Огурцы?»

Ровно в шесть часов вечера отец Марджи вел ее по проходу к алтарю. Невеста выглядела великолепно: в платье с короткими рукавами и украшенным драгоценными камнями лифом, от счастья на ее лице блестели слезы. Нам невероятно повезло с погодой: было тепло, но не очень жарко, а с моря дул ветерок, который был недостаточно сильным, чтобы теревить вуали и подолы платьев. Единственным недостатком оказался вертолет береговой охраны, который пролетел над головами гостей, как раз когда молодожены начали да-

вать свои обеты. Но даже мама не могла контролировать военных, хотя, уверена, у нее бы прекрасно это получилось.

После церемонии я сидела на ЗРС, пока свадебная процессия, а за ней и гости шли в бальный зал, где в рюмках уже плескался алкоголь. Диджей поставил пляжную музыку, которую заранее выбрали бывшие жених и невеста. На местах остались скомканные программки, несколько оброненных бумажных салфеток и, на мой взгляд, слишком много карточек с пенни, которые мы с Уильямом подготовили за несколько часов до начала. Ну и ладно.

Как только церемония заканчивалась, мама слегка расслаблялась. Поэтому я не особо удивилась, что она во время ужина подошла ко мне. Я как раз стояла около стола с кексами, на которых красовались надписи «М. и Д.». Обычно гости не слишком обращали внимание на свадебный торт, но при этом всегда тянули свои загребущие руки к кексам. И не только дети. Однако, пока с ними не сфотографировались молодожены, их нельзя было трогать. Поэтому я защищала кексы собственной грудью, то и дело повторяя веселым, но уверенным голосом: «Пока нет!» Мне совершенно не нравилась эта обязанность, в отличие от Уильяма. Но он сейчас заменял заболевшего бармена, пока не прибудет его сменщик, так что у меня не оставалось выбора.

– Ты видела, сколько человек оставило карточки с пенни? – спросила мама, оглядывая толпу. – А как же уважение к мертвым?

– РПВБ *всегда* ошибочны, – сказала я. – Потому что мы уже обдумали все хорошие идеи.

Тут девочка-цветочница с полной тарелкой стейка и пасты направилась к столу с кексами. Когда я перекрыла ей путь, она развернулась и зашагала обратно, волоча по ковру шлейф платья.

– Послушай себя. – Мама посмотрела на меня с гордой улыбкой. – Ты говоришь как настоящий организатор свадеб.

– Или как будущий продавец огурцов, – ответила я. – Или тот, кто сегодня пораньше отправится спать. Ты обещала.

– Знаю, знаю. – Она протянула руку, взяла скомканную салфетку и сунула ее в карман. – А еще знаю, как мне повезло, что ты работаешь с нами последние несколько лет. Хотя я не оставила тебе выбора.

– Я найду другую работу, как только поступлю в колледж, – напомнила я.

– Боже, очень на это надеюсь! – Мама старательно поежилась. – Не хотелось бы нести ответственность за то, что втянула в этот бизнес кого-то еще. Мне и так плохо из-за Уильяма.

Я посмотрела в сторону бара, расположенного в другом конце зала. Мужчина, которого мы сейчас обсуждали, обсыпал солью бокал «маргариты» и болтал с двумя старушками в усыпанных драгоценными камнями платьях, ловившими каждое его слово.

– По-моему, он не так уж сильно возражает.

Мама посмотрела в ту же сторону и улыбнулась.

– О, он возражает. Просто, как и я, больше ничего не умеет делать.

Я привыкла к таким разговорам «по душам». Мама и Уильям часто обсуждали бизнес, словно это были плохие отношения, которые им не терпелось разорвать. И все же они вновь и вновь принимали заказы, спорили из-за запросов клиентов и смеялись над только им двоим понятными шутками. В жизни их обоих самые долгие и прочные отношения были связаны с бизнесом и друг с другом. И они это знали. Может, это была и не настоящая любовь, но пока все шло хорошо. Вроде бы.

Наконец Марджи и Джозеф разрезали торт, а затем аккуратно покормили им друг друга (мы всегда были против того, чтобы молодожены макали друг друга лицами в торт). Закончив свою вахту у стола с десертами, я отправилась в ванную, где проверила, все ли туалеты чистые, везде ли есть бумага, и вытерла столешницу вокруг умывальника. А затем пересекла бальный зал и вышла во внутренний двор, где несколько детей бегали по танцполу, а диджей готовился устроить настоящую дискотеку. Далее подошла к ближайшему бару, взяла две бутылки воды и отнесла одну ему, а после уточнила, не нужно ли что-то еще. Когда он покачал головой, я направилась к ступенькам, ведущим на пляж, где кто-то оставил пару блюд и бокал из-под вина со смятой салфеткой внутри. В тот момент моя находка перекочевала

на поднос, воздух наполнили первые ноты мотауна³, а когда я повернулась к танцполу, его уже заполняли люди.

На всех приемах наступает время, когда гостям хочется танцевать. Обычно первыми чувствуют этот позыв пожилые люди и дети, ведь их мало что сдерживает. Ко второй песне к ним обычно присоединяются несколько подвыпивших девушек (зачастую), которые сбиваются в группки. Затем выходят молодые пары и одинокие парни, которым требовалось на это немного уговоров. В конце концов, если бармен оперативно подливает напитки, а диджей угадывает с музыкой, то мало кто остается в стороне от танцпола. Уильям говорит, что лучшая часть свадеб – это танцы, и трудно с ним не согласиться. В такие моменты людей мало что заботит. Они понимают, что могут расслабиться и провести это вечер так, как им хочется, среди людей, которых практически не знают или и вовсе видят впервые. И мало кому этого бывает недостаточно.

Я протиснулась мимо крутивших бедрами подружек невесты, собравшихся в круг, затем обогнула лихо отплясывавшую пожилую пару. В этот момент каждая клеточка моего тела стремилась к небольшому выступу, заставленному пустыми бокалами. Так что молодого шафера, который одарил меня улыбкой несколько часов назад, я заметила, только ко-

³ Мотаун – стиль музыки, получивший свое название от американской звукозаписывающей компании «Мотаун Рекордз», которая продвигала чернокожих поп-исполнителей.

гда он оказался рядом.

– Хочешь потанцевать?

Я повернула голову и скользнула по нему взглядом: по коротким волосам, голубым глазам, черному галстуку-бабочке, купленному мной утром и несуразно болтавшемся на шее.

– Спасибо, но нет.

На его лице мелькнули удивление и, к моему ужасу, смущение.

– Ой, ладно.

– Я на работе, – поспешно выпалила я, отчего покраснела вслед за ним. – Помощник организатора свадьбы, так что не могу.

– А, понятно. – Его лицо расслабилось. – Я и не подозревал, что...

– Знаю. Все в порядке. – Я опустила взгляд в пол и заправила волосы за ухо. – Но все равно спасибо.

Шафер расплылся в улыбке, и она так преобразила его лицо, что за мгновение он превратился из милого в невероятно обаятельного парня, отчего мне тут же захотелось сказать «да» ему и совместному танцу, а еще понадеяться, что однажды мне удастся провести вечер подальше от работы. Мы простояли так не больше минуты, пока подружки невесты не заметили его и не утянули в свой круг. Я же направилась к выступу, откуда переставила стаканы на поднос. Под одним из стульев я заметила еще одну карточку с пенни и подня-

ла ее, потирая монетку. А когда повернулась к танцполу, ни подружек невесты, ни шафера там уже не оказалось.

Возможно, это было к лучшему. Иногда, в самые ужасные ночи, когда слезы лились из глаз, заливая подушку, мне хотелось, чтобы на этом наше общение и закончилось. Потому что тогда Итан так и остался бы простым парнем, которому я отказала в танце на одной из свадеб того лета. Ни больше, ни меньше. И ничего бы не потеряла.

Но все вышло по-другому. Через несколько минут я наткнулась на маму с Уильямом, которые стояли неподалеку от танцпола, наблюдая, как одна из тетушек Марджи вытанцовывает перед толстым мужчиной в спортивном пальто.

– Вот что шампанское делает с людьми, – сказал Уильям, когда женщина повернулась и прижалась своим широким задом к бедрам мужчины. – Она дважды за сегодня говорила мне, что не пьет, при этом сжимая пустой бокал в руке.

– Свадьбы – словно другой мир, – произнесла я одну из его любимых фраз.

– Так и есть. Но как же мне хочется отправиться домой!

Парочка тем временем принялась откровенно тереться друг о друга.

– Как же теперь это *забыть*? – прошептала мама, притворно ужасаясь увиденному. – Я слишком стара для подобного зрелища.

– Они же пенсионеры, – сказал Уильям, и они с мамой дружно захихикали.

– Кто-то обещал отпустить меня пораньше, – напомнила я, сверля взглядом маму. – Надеюсь, я свободна?

– Подождите-ка, почему это Луна уходит? Где справедливость? – воскликнул Уильям.

– Потому что ей семнадцать и ей мало платят, – сказала мама. – У нее ужасное начальство.

– Да, я тоже это слышал, – согласился он, а затем улыбнулся мне: – Что собираешься делать?

– Не знаю, – честно ответила я. – Все, чего захочется!

– Посмотри на нашу девочку. Она одинока и готова слиться с толпой на пляже. Прямо как настоящий подросток! – Он улыбнулся мне, а затем перевел взгляд на маму. – Я уже и не верил, что этот день настанет.

– Прекрати, – сказала мама, показательно обмахивая лицо ладонью. – Я сейчас расплачусь.

– Да заткнитесь уже, – выпалила я, а они в ответ лишь рассмеялись. – Увидимся завтра.

– Ты молода, так же как этот вечер. *Carpe diem!*⁴ – крикнул мне вслед Уильям, когда я пересекала патио.

– Это означает «день», Уильям, – сказала мама.

– Тогда *Carpe night!*⁵

А затем последовал еще один взрыв смеха.

«Отлично», – подумала я, проходя через патио в вести-

⁴ *Carpe diem* (с лат. «лови день») – распространенное латинское выражение, означающее «лови момент» и «живи настоящим».

⁵ С лат. «лови ночь».

бюль.

Что, если я вернусь в свой номер и ничего грандиозного, по определению Джилли, не случится? Хоть на календаре и выходной, это был трудный день, и я устала. У меня впереди еще целый год в выпускном классе и учеба в колледже для приключений, если мне захочется. И, возможно, я отправлюсь на их поиски, если на пути не встанет бизнес мамы и Уильяма. Ведь, по сути, я была той, кого они из меня сделали.

Как только эта мысль возникла в голове, диджей поставил другую мелодию, на этот раз медленную. И я отошла в сторонку, наблюдая, как люди покидают танцпол, а парочки, наоборот, его заполняют. Сквозь толпу я видела, как мама с Уильямом все еще о чем-то болтали, смеясь время от времени. Наконец путь в бальный зал оказался свободен, но мне уже не хотелось туда. Вместо этого я направилась к ступенькам, ведущим на темный пляж. Позже я буду вспоминать то мгновение как действительное начало того вечера, момент, когда все началось. Может, именно поэтому где-то на середине лестницы я сняла сандалии и на песок ступила уже босыми ногами.

Глава 4

– Не могу поверить, что ты все еще не купила наряд для выпускного, – сказала Джилли из-за двери раздевалки. – Ты никогда и ничего не оставляешь на последний момент. Это моя фишка.

– Верно, – подтвердила я, стягивая футболку через голову. – Но я была занята. К тому же у меня так много нарядов, что я вполне обошлась бы без нового. Там меня до самых пяток скроет мантия выпускника.

– Это будет *на церемонии*. – Ее голос прозвучал ближе, а из-под двери показались темно-красные носки эспадрилий на платформе. – Ты забываешь про сам выпускной.

Опять это слово. Услышав его, я скорчила гримасу в зеркале.

– И даже не думай в этот раз отсидеться в сторонке, – предупредила она, словно увидела мою реакцию через дверь. – Мы «создаем воспоминания», помнишь?

В ответ на это я громко застонала, а подруга засмеялась. Пару дней назад, во время обеденного перерыва, мы стояли в очереди за ежегодниками – очередной этап из бесконечного списка, предшествующего выпускному. Сами книги оказались тяжелыми и пахли кожей, а на обложке большими желтыми буквами была выдавлена надпись «СОЗДАЕМ ВОСПОМИНАНИЯ». На мой взгляд, это было глупо и нелепо, но

Джилли почему-то утверждала, что это девиз нашего лета, которому нужно начать следовать прямо сейчас. Ей уже было недостаточно «не отсиживаться в углу, а стремиться навстречу приключениям». Теперь им еще и предстояло стать запоминающимися.

А это, как оказалось, подразумевало новое платье на выпускной, хотя из-за работы у меня в шкафу их было немало. Поэтому я и торчала сейчас в одном из любимых бутиков Джилли, за несколько часов до самой церемонии, вместе с ней и ее сестрами-близняшками Кейтлин и Катрин, которых мы звали КитКат, склонившимися над телефоном и игравшими в «Иглу-манию».

– Сейчас моя очередь, – услышала я голос Кейти.

Хотя они выглядели и даже специально одевались одинаково, их выдавали голоса. Кейти была громкой и шумной, а Кат обычно все шептала, и ее постоянно просили говорить громче. Должно быть, она что-то ответила, потому что через мгновение Кейти сказала:

– Хорошо, но тогда я прохожу следующий уровень и воспользуюсь всеми твоими бонусами.

– Да помолчите вы, болтушки, мы в приличном месте, – одернула их Джилли.

Раздался лязг, и на двери раздевалки оказалось еще одно платье, на этот раз кобальтово-синее. Я стянула с вешалки первое из тех, что выбрала мне подруга, – ярко-розовое короткое платьице, – натянула его и застегнула молнию. Мне

хватило одного взгляда в зеркало, чтобы понять: оно мне совершенно не подходит, но я все же открыла дверь и вышла из примерочной.

– Нет, – заявила Джилли, устроившись в пестром кресле напротив. – Я хотела, чтобы ты выглядела дерзко и сексуально, но это, скорее, эпатажно.

– И это говорит мне девушка, на которой надета самая яркая вещь в магазине.

Она посмотрела на свой желтый комбинезон, который чуть не ослепил меня на солнце.

– Да, но я натянула его как раз потому, что мне *нравится* этот цвет. Иди надень следующее.

– Мне тоже нравится цвет, – проворчала я.

Когда я развернулась, чтобы направиться в раздевалку, то краем глаза заметила сочувственную улыбку на лице продавщицы за кассой.

– Моя очередь! – взревела Китти. – Отдай сейчас же!

– Или вы договариваетесь, или я отбираю у вас телефон, – устало сказала им Джилли, а затем вдогонку мне крикнула: – Попробуй примерить платье А-силуэта. То, синее.

– Я знаю, что такое А-силуэт.

– Что, правда?

Я закатила глаза, вновь припоминая, почему меня так раздражало находиться по эту сторону двери раздевалки. Мне не впервой ходить по магазинам вместе с Джилли, которая верила в целительную силу шопинга. Но я намного лучше се-

бя чувствовала, когда листала журналы, ожидая, пока подруга наденет очередной наряд. Мы с Джилли так крепко дружили потому, что знали свои сильные стороны, вот только эта ситуация – исключение.

Синее платье больше подходило мне по цвету, но в нем грудь стала похожа на два заостренных треугольника. Однако я не стала говорить это, а молча вышла из раздевалки.

– Нет, твои сиськи выглядят странно. – Она посмотрела на предмет разговора. – Хотя так ты точно привлечешь внимание. Они напоминают торпеду.

– Но это не то внимание, которого мне хотелось бы. – Я вернулась в раздевалку, сбросила платье и посмотрела на последний вариант – темно-сливовое платье с V-образным вырезом. – Ты уверена, что мне стоит примерить это платье?

– Это баклажановый. И он сейчас в моде, – ответила она. – Давай надевай.

Я посмотрела на часы и потянулась к платью, чтобы выполнить приказ подруги. Уже половина четвертого, значит, осталось не так много времени, потому что мне предстояло зайти в мамин офис, чтобы проверить, все ли в порядке, затем отправиться домой и переодеться для церемонии, где я должна была встретиться с ней и Уильямом. Они приедут в школу сразу после встречи с Би Литтл, которую мы планировали второпях.

Би была замечательной, и это очень радовало, потому что подготовка, несмотря на заверения Уильяма, оказалась на-

стоящим кошмаром организатора свадеб. Все началось с того, что место проведения – великолепный старинный дом с огромным садом и прудом – охватил пожар, в то время мы уже успели перевести здоровенный (из-за бронирования в последнюю минуту) депозит за это помещение на счет владельца. Затем Би настояла, чтобы мы пригласили конкретного поставщика провизии, но у него случился нервный срыв, хотя и не из-за этой свадьбы. (Правда, мама все еще в этом сомневается.) И вдобавок ко всему мать Би – свадьба которой прошла прекрасно, если не считать исчезновения ее сына в самый ответственный момент (как же мы любим третьи свадьбы!), – вдруг заявила после медового месяца о разводе из-за «несовпадения характеров». (Даже мама и Уильям удивились, узнав об этом. Они никогда не заключали пари на третьих свадьбах, потому что считали: к этому времени люди уже понимают, что делают.) И в итоге за девять недель до церемонии Би осталась без места проведения, без поставщика провизии и без поддержки самого близкого человека, который в этих вопросах оказался еще циничнее, чем Уильям и мама.

Я сняла с плечиков последний наряд, что подобрала Джилли, и, натянув его через голову, посмотрела в зеркало. Меня *ужасал* этот фиолетовый цвет, но зато понравился простой силуэт, классический вырез и расширяющийся книзу подол. Когда я вышла из раздевалки, чтобы узнать мнение Джилли, до нас донесся громкий крик женщины-продавца.

Мы с подружкой дружно посмотрели на нее.

– Что случилось? – спросила Джилли.

Та удивленно посмотрела, словно забыла о нашем присутствии.

– Простите. Просто... прочитала новости. Снова была стрельба.

В затылке тут же закололо, а волосы встали дыбом. Джилли повернулась к близнецам, но те так увлеклись игрой, что ничего не слышали. Она подошла ко мне и положила руку на плечо.

– Мне нравится. Кто же знал, что фиолетовый так тебе идет?

– Где была стрельба? – спросила я у продавца, хотя догадывалась, где именно.

Что-то знакомое промелькнуло на ее лице.

– В школе. В Калифорнии. Это показывают в прямом эфире. Они не...

– Пойдем, – уверенным голосом перебила ее Джилли, уводя меня обратно в раздевалку. – Думаю, ты можешь обойтись без нового платья, – продолжила она из-за закрытой двери. – У тебя и так их море. Идем домой.

Секунду я просто разглядывала свое отражение. А затем, пару раз моргнув, трясущимися руками принялась стягивать платье через голову. Не утруждая себя развешиванием одежды на плечики, я торопливо надела шорты, футболку и шлепки, после чего подхватила сумку и вышла из раздевалки.

Джилли молча протянула мне руку, и мы направились к выходу. Пока мы тащили близнецов мимо прилавка, продавец ни разу не отвела взгляд от экрана компьютера. Я же старалась не поворачиваться в ее сторону, дабы случайно не увидеть того, что она так внимательно смотрела. Но я догадывалась: нескончаемый репортаж у стен невзрачного здания, наверняка с какой-нибудь эмблемой на фасаде. Людей, которые выбегают из дверей, держа руки над головой. Объятия выживших, а также раскрытые в немом крике рты. И в худшем случае – фотографии детей, таких же, как в моем ежегоднике, но уже ставших призраками.

* * *

Мне удалось немного успокоиться к тому моменту, как я добралась до кабинета мамы. И в этом мне помогла Джилли, которая громко включила радио, пока мы ехали по городу. Она время от времени поглядывала на меня, думая, что я этого не замечаю. На улице стояла великолепная погода, и под ярко-голубым небом люди шагали по тротуару или сидели в своих машинах, опустив стекла, пока в другом месте чей-то худший кошмар вдруг стал реальностью. Это казалось мне неправильным, словно такой день должен обязательно омрачиться дождем или чем-то подобным.

– Ты уверена, что не хочешь поболтать несколько минут? – спросила Джилли, когда мы подъехали к мамино-

му офису, где я оставила свою машину. – У меня есть еще немного времени, прежде чем забрать новые очки Кроуфорда и его самого с тхэквондо.

– Еще одни очки? – спросила я.

Подруга посмотрела в зеркало заднего вида на близнецов, которые демонстративно глядели в свои окна.

– На этот раз обидчика отстранили от занятий. Посмотрим, изменит ли это что-нибудь.

Хотя мне нравились спокойный голос и неловкость Кроуфорда, это делало его огромной мишенью для задир школы. Боевые искусства помогли ему стать сильнее, но не спасали от издевательств в очереди в столовой, по крайней мере, пока. Так что Бейкеры много денег тратили на замену очков.

– Я в порядке, к тому же мне пора идти, – ответила я. – Увидимся на церемонии.

– Будем надеяться, что Стив потеряет сознание и не появится.

– Скрестим пальцы.

Она рассмеялась, и я – вслед за ней, хотя бы для того, чтобы убедить ее, будто у меня все в порядке. Всю жизнь Стив Барофф благодаря своей фамилии постоянно вклинивался между нами на официальных мероприятиях, если не напивался до такого состояния, когда просто не мог прийти в школу. Поэтому мы надеялись, что он не появится на выпускном и мы сможем оказаться на сцене вместе. И в самом деле «создать воспоминание».

Когда Джилли включила радио и выехала на дорогу, я направилась в мамин офис. Компания «Свадьбы от Натали Барретт» арендовала помещения в современном офисном здании в самом центре города, между стоматологической клиникой и магазином высокочеловеческих канцелярских товаров RSVP⁶. Из месяца в месяц я оставляла там большую часть своей зарплаты из-за своей слабости к открыткам, бумаге для записей и, конечно же, чистеньким блокнотам. Казалось, стоит расписать свою жизнь на бумаге, как обретаешь над ней больший контроль. Вероятно, именно поэтому меня хватало на день-два, а в прошлом году я даже не пыталась. Ведь сейчас, когда просматривала эти старые, едва начатые дневники, события, описанные на их страницах, казались такими ничтожными и незначительными, что мне было бы жалко тратить на них бумагу и чернила. От этой мысли перед глазами на мгновение мелькнула продавщица за компьютером, и тело тут же охватил озноб. Я открыла дверь в мамин офис, где всегда работал кондиционер, но даже не заметила прохладного воздуха.

Увидев меня, Уильям встал из-за своего места напротив Би и подошел ко мне.

– Мне пришло оповещение на телефон о последних новостях, – тихо сказал он. – Ты в порядке?

⁶ RSVP – акроним от французского выражения Répondez s'il vous plaît, означающего «ответьте, пожалуйста». Такую отметку, согласно французскому этикету, ставили на письмах, которые требовали обязательного ответа от адресата. Например, подтверждение или отказ от посещения официального мероприятия.

Мама с Би обсуждали список гостей, но их голоса доносились словно издалека.

– Все хорошо, – машинально ответила я. – Возвращайся к делам. Я зашла, чтобы отдать приглашения.

Он кивнул, но еще несколько минут стоял рядом, словно боялся, что я передумаю. Как только Уильям вернулся за стол, я выскользнула в подсобку и вытащила из кармана два приглашения на церемонию. Каждый выпускник имеет право позвать до шести человек, но мне больше никого не хотелось брать с собой. Я сунула их в мамину сумочку, лежавшую на ее половине большого стола, и вернулась в главную комнату.

– ...мы должны были встретиться полчаса назад, – сказала Би Эмброузу, который объявился в офисе во время моего отсутствия.

На нем были джинсы, синяя рубашка с короткими рукавами и теннисные туфли, а сам он выглядел так, словно только что вышел из душа и совсем недавно поднялся с кровати, несмотря на поздний час. Может, именно поэтому его милая сестра сейчас была так раздражена.

– Неудивительно, что не можешь найти работу, ты просто не в состоянии прийти вовремя!

– У меня часы сломались, – ответил Эмброуз. – И мне еще нужно было добраться сюда, так что...

Щеки Би покраснели.

– У тебя есть телефон, Эмброуз. И там есть часы!

В комнате воцарилось неловкое молчание, во время которого Эмброуз заметил меня и с улыбкой помахал рукой, словно мы были давними друзьями, которые долго не виделись. Его совершенно не заботило, сколько неприятностей он доставил: пожалуй, это даже могло бы меня впечатлить, если бы не попахивало сумасбродством.

Я все еще обдумывала, как отреагировать на его жест, как вдруг мама сказала:

– Луна, каково это, когда для шага в новую жизнь остается всего несколько часов?

Теперь все смотрели на меня. Даже в выходной приходилось держать лицо.

– Поверю в это, лишь когда получу аттестат, – ответила я.

– Сегодня вечером у Луны выпускной, – объяснил Уильям Би, – в старшей школе.

– Правда? – Она улыбнулась мне.

Эмброуз, усевшийся рядом с ней, заметил причудливый автоматический держатель для скотча из нержавеющей стали – видимо, мы оба любим канцелярские принадлежности – и пододвинул его к себе поближе.

– Поздравляю! – продолжила Би. – Это такой важный этап в жизни. Я до сих пор помню каждое мгновение своей церемонии вручения аттестатов.

– Я тоже, – сказал Эмброуз.

Его все еще влажные волосы выглядели прекрасно, но одна прядь так и норовила упасть на лицо.

– Ты не ходил на свой выпускной, – возразила его сестра и пояснила нам: – В школе сказали, что если он хочет получить аттестат, то не должен появляться на церемонии. У Эмброуза всегда так.

– Я говорил про *твой* выпускной, – сказал он, нажимая кнопку на держателе скотча, который тут же зажужжал и выдал липкую полоску. – К тому же, если ты забыла, никто так и не доказал, что именно я привел корову.

– Корову? – приподняв одну бровь, спросила мама.

– Что планируешь делать в следующем году, Луна? – быстро сменила тему Би.

Что бы там ни случилось с коровой, она явно не хотела об этом говорить.

– Я поступила в Рис-Джонсон, – ответила я.

– Это частный гуманитарный колледж. Она сама его выбрала и даже получила частичную стипендию, – с гордостью добавил Уильям.

– Как здорово! – восхитилась Би. – Я училась в Дефрисе по специальности «государственная политика». Я *обожала* колледж.

В этот момент ее брат вновь нажал на кнопку держателя для скотча, затем еще раз. Из него выскочили сразу два кусочка, которые Эмброуз наклеил себе на большие пальцы.

– Мне до сих пор не верится, что Луна выпускница, – вздохнул Уильям. – Кажется, она еще совсем недавно начала ходить в детский сад. Время летит так стремительно.

«О боже», – подумала я, услышав напряженные нотки в его голосе на последних словах.

– Уильям, держи себя в руках, – попросила мама, видимо, тоже это заметив. – У нас впереди еще целый вечер.

Он кивнул и, вынув сложенный платочек, вытер глаза. Если бы мама с Уильямом были одним человеком – а мне иногда казалось, что так и есть, – то она была бы головой, а он – сердцем. Конечно, когда дело касалось их бизнеса и основных вопросов, они проявляли завидную циничность. Но в эмоциональные моменты мама обычно шутила или мыслила логически, Уильям же принимал все близко к сердцу и вдвойне сильнее, если дело касалось меня. Первый день в детском саду, первая ночевка у подруги, первый раз, когда мое сердце разбилось. Именно Уильям плакал вместе со мной и не выпускал моей руки, пока я не выходила из комнаты. И слава богу. Я люблю свою маму, но, если бы меня растила только она, мне бы так и не довелось узнать, что такое сопереживание.

– К слову о дальнейших планах, давайте вернемся к обсуждению свадьбы, – сказал он, посмотрев на открытый блокнот перед ним. – Итак, мы с вами решили по поводу места проведения и кейтеринговой компании, а также договорились, что я обзвоню три самых идеальных места из пяти для проведения репетиционного ужина, чтобы узнать, свободны ли они в этот день. В отеле подтвердили бронь на все номера?

Би в жемчужных серьгах и с собранными наверх волосами, в которых были шпильки с ромашками, открыла крышку планшета и пролистала свои записи. Сидевший рядом Эмброуз поднял держатель для скотча, перевернул его и принялся осматривать с обратной стороны.

– Да, для семидесяти восьми человек, включая шаферов, подружек невесты и членов семей из других городов.

– Вы разослали все приглашения? – спросила мама.

– Четыре недели назад, – выпрямившись, ответила Би. Мне показалось, что она чувствовала мамины опасения насчет ее свадьбы и всячески старалась угодить ей. – Пока что подтвердили свое присутствие двести человек, но в итоге планируется двести пятьдесят.

Мама покосилась на Уильяма, который тут же одарил ее самодовольной улыбкой. Большие свадьбы означают большие деньги. К тому же семья жениха Би, Кевина Ю, владеет большой фармацевтической компанией, и это может привлечь большое внимание. Меня очень интересовало, планирует ли она сменить имя и стать Би Ю вместо Би Литтл, но я не нашла повода спросить это. Пока.

– Вы действительно думаете, что сможете найти место, где возьмутся провести ужин на семьдесят восемь человек в пятницу вечером и к тому же через девять недель? – спросила мама.

Эмброуз, видимо, очарованный держателем для скотча, поставил его обратно на стол и несколько раз подряд нажал

на кнопку. *Щелк. Щелк. Щелк.*

– Если есть вероятность попасть на журнальный разворот, то да, – ответил Уильям под жужжание держателя для скотча.

– Ты не сможешь заполучить место, если его нет.

– Выход есть всегда.

И тут из подставки для скотча донесся скрежещущий звук, а затем и вовсе пронзительный писк. Мы дружно повернулись к Эмброузу, который вновь протянул руку и нажал на кнопку.

– Мне просто кажется, что ты... – начала мама, но ее слова заглушило жужжание подставки для скотча.

Эмброуз тут же схватил его и попытался выключить, но ничего не получалось. Тогда он засунул его под стол, к себе на колени, где тот продолжил скрежетать все громче и громче, пока не раздался хлопок. И через мгновение на полу у моих ног оказалась бобина скотча, а в воздухе запахло дымом.

– Эмброуз! – окончательно теряя самообладание, взвизгнула Би, затем повернулась и схватила подставку для скотча с его колен. – *Боже мой!* Перестань!

– Я просто... – начал ее брат и тут же замолчал.

Мама медленно наклонилась, отклеила с туфли кусочек скотча и прикрепила его к папке.

– Мне плевать! – воскликнула Би. – Ты всегда что-то творишь, но никогда не выполняешь просьбы других. Неудиви-

тельно, что маме надоело возиться с тобой и она взвалила это на меня. Так что лучше заткнись и ничего не трогай!

В комнате повисла тишина. По привычке я покосилась на Уильяма, который сейчас выглядел напуганным и одновременно заинтересованным таким развитием событий. Хотя следовало признать, что и я – тоже. Никто из нас не ожидал, что Би умеет ругаться.

Правда, мама не казалась расстроенной.

– Я сказала, что тебе не следует возлагать большие надежды.

Услышав это, Би заплакала и тут же закрыла свое хорошенькое личико руками, но все видели, как сотрясаются ее плечи.

– Подготовка к свадьбе – это настоящий стресс, – погладив ее по руке, сказал Эмброуз.

– Да боже мой! – закричала Би, отстраняясь от брата. – Простите. Я просто... Мне нужно... – вскакивая на ноги, забормотала она.

– Все хорошо, – спокойно ответил Уильям. – Туалет дальше по коридору. Пойду принесу тебе стакан воды.

Я сомневалась, что это поможет, особенно если судить по тому, как громко хлопнула дверь туалета. Тем не менее Уильям встал, подхватил бутылку воды и исчез в коридоре, оставив за столом лишь меня, маму и Эмброуза. Я опустила глаза на пол. И тот оказался полностью усыпан кусочками скотча.

– Знаешь, Эмброуз, – через мгновение начала мама, – нам бы *очень хотелось*, чтобы ты не свел свою сестру с ума до августа.

Несмотря на слезы Би и взрыв держателя для скотча, мама произнесла «нам», чего раньше не случалось, когда дело доходило до обсуждения этой свадьбы. Видимо, благодаря этой вспышке она почувствовала свое участие.

– Сколько бы я ни говорил, люди никогда не верят мне, но я действительно не хотел ее расстраивать, – ответил Эмброуз, положив руки на стол. – Просто она слишком эмоциональна.

– Ты действительно считаешь, что проблема только в этом? – спросила мама.

Парень угрюмо кивнул.

– Как всегда.

– Кажется, мама отправила тебя сюда потому, что не справляется с воспитанием такого непослушного сына.

– Верно, – согласился Эмброуз. – К тому же я разбил ее машину. Но в свою защиту скажу, что она тоже очень эмоциональна. Думаю, это наследственное.

«О боже», – подумала я, борясь с желанием закатить глаза. Конечно же, в этом виноваты все, кроме него. Уверена, сейчас он обвинит в поломке подставку для скотча.

Мама же в ответ на эти слова улыбнулась, словно они ее забавляли.

– Помнится, Би упомянула, что тебе нужна работа.

– Так мне сказали, – ответил он.

– Сказали?

– Скорее, поставили ультиматум, – признался Эмброуз. –

Судя по всему, я всех раздражаю и дорого обхожусь.

Мама не спешила продолжить разговор, вместо этого она пристально разглядывала парня, поигрывая бриллиантовой подвеской, которую носила не снимая. Что-то в выражении ее лица меня насторожило еще до того, как она произнесла:

– Давай заключим сделку: ты трудишься на нашу фирму все лето, а я вычту твоё жалованье из гонорара за свадьбу Би.

– Серьезно?

– Мама! – ошеломленно воскликнула я.

Эмброуз тут же улыбнулся мне.

– Ты слышала? Мы станем коллегами!

– Но ты должен отнестись к работе *серьезно*, – строгим голосом продолжила она. – Я не даю тебе раздражающих или слишком сложных заданий, а ты появляешься вовремя. Это понятно?

– Абсолютно, – ответил он. – Когда мне начинать?

– Прямо сейчас. – Мама отодвинула стул и указала на пол. – Собери весь скотч, а затем сходи за кофе. Мне нужен кофеин.

– Есть, мэм, – сказал Эмброуз с улыбкой и отсалютовал ей.

Мама же молча пошла в свой кабинет. Я последовала за ней, но у дверей оглянулась и увидела, как он присел на кор-

точки и принялся собирать скотч, поднимая по одной полоске зараз. Заметив, что я на него смотрю, Эмброуз радостно поднял большой палец вверх. Боже.

– Ты с ума сошла? – закрыв за собой дверь, спросила я. – Зачем ты его наняла?

– Наша обязанность – сохранять спокойствие и сосредоточенность невесты, – вытаскивая из сумочки бумажник, ответила она. – С этой свадьбой и так все не очень гладко, но лишь Эмброуз смог довести ее до слез. А так он перестанет доставать ее и в то же время поможет нам.

– Это не сработает, – покачав головой, сказала я. – Ты никогда и никого не нанимала так. Обычно ты «от» и «до» проверяешь биографию человека, прежде чем нанять его. И не стала бы рисковать своим именем и свадьбами, лишь бы отвлечь кого-то.

– Неужели я не могу сделать благородное дело? – с улыбкой поинтересовалась она.

– Это уж точно не про тебя, – категорически отрезала я.

– Эй! – воскликнула мама.

Я молча сверлила ее взглядом. Наконец она вздохнула и призналась:

– Ладно, ты права. Мне позвонила Ева и спросила, не могли бы мы как-нибудь отвлечь Эмброуза за дополнительную плату.

– Она собирается заплатить тебе, чтобы ты присматривала за ее сыном?

– Я не буду с ним нянчиться. Либо он будет работать, либо сделка отменяется. Я ей так и сказала.

Она вытащила из бумажника двадцатку и протянула мне.

– К тому же, видит бог, я не собираюсь поручать ему что-то важное. Мелкие задания, перенос вещей, сделать что-то в последнюю минуту и купить кофе.

Я на секунду задумалась.

– Но это же *мои* обязанности.

– Именно. – Мама улыбнулась. – Ты вот-вот окончишь школу, и начнутся твои последние каникулы перед колледжем. Мне бы хотелось, чтобы ты попыталась насладиться ими.

– Не поступай так со мной, – попросила я с ноткой предостережения в голосе. – Мне хватило и нескольких минут общения с ним, чтобы понять: сама я справлюсь гораздо лучше.

– Все для тебя, – сказала она, будто не слыша моих слов. А затем, не давая возможности возразить, быстро наклонилась вперед и прижалась губами к моему лбу. – Отдай ему деньги, проводи до «Яванского кофе» и расскажи, что нужно купить. А затем отправляйся домой. Хорошо?

Мне хотелось возразить, дернуть за стоп-кран поезда неприятностей, еще не успевшего набрать скорость. Но часы за ее спиной показывали четыре пятнадцать, а через два часа мне предстояло встретиться с Джилли, и возможно, со Стивом Бароффом в очереди за аттестатами. К тому же, учи-

тывая то, что мне удалось узнать об Эмброузе Литтле, он и сам добьется своего увольнения. Наверное, еще до того, как я получу аттестат.

– Хорошо, – согласилась я, забирая у мамы деньги. – Ты сама роешь себе яму.

– Какая прекрасная фраза, – ответила она. – Ты говоришь совсем как выпускница старшей школы.

Я закатила глаза и потянулась к ручке, чтобы открыть дверь. А когда толкнула ее, она тут же отскочила от чего-то с другой стороны. Оглядевшись, я увидела лежавшего на полу Эмброуза, который находился так близко от кабинета, что, уверена, мог слышать наш разговор. Упс.

– Думаю, я собрал все, – сказал он, судя по всему, ни капли не обидевшись. – Но, блин, это просто суперлипкий скотч.

– Вот почему он стоял в подставке для скотча, – напомнила я, пока он поднимался на ноги и выбрасывал в мусорное ведро остатки ленты. – Мама хочет кофе. Я должна передать тебе деньги и проводить в кофейню.

– Отлично, – ответил он с такой легкостью, словно в его жизни и вовсе не было проблем.

Конечно, он вряд ли услышал то, что я говорила. А если и слышал, то мог подумать, что я говорила о ком-то другом или что просто очень эмоциональная.

– Показывай дорогу.

– Может показаться, что нет ничего проще, чем сходить за кофе, – сказала я, когда мы встали в конце неожиданно большой очереди в «Яванском кофе». – Но ничто не бывает простым, когда дело касается мамы. И это первое, что тебе следует знать.

Он кивнул.

– Хочешь сказать, она крепкий орешек?

Я посмотрела на него.

– Никогда не называй ее так. Никогда.

– Я запомню. – Он кивнул, и локон тут же свалился ему на лоб. – Знаешь, у меня такое чувство, будто ты не веришь, что я справлюсь с этой работой.

– Ты прав, – согласилась я и сделала шаг вперед, продвигаясь к кассе.

У него хватило наглости сделать оскорбленный вид.

– Почему? Ты ведь меня совершенно не знаешь.

– Может, и так, но не стоит забывать о том, что мне уже о тебе известно. Из-за тебя задержалась свадьба твоей матери...

– Оглядываясь назад, стоит отметить, что лучше бы она вообще не состоялась. Представь, если бы я еще хоть немного поболтал с Деми, то мама могла бы одуматься и избавить себя от многих проблем.

– ...а сегодня, – продолжила я, – ты сломал собственность компании и довел до слез клиента.

– Я довел до слез свою сестру, – поправил он. – В тот момент я еще не был сотрудником компании. Это важное уточнение.

Очередь медленно продвинулась вперед.

– Ты всегда ищешь отговорки, чтобы не нести ответственность за созданные тобой неприятности?

– По какой-то причине в большинстве случаев все винят меня. Так что я держу ухо востро.

– По какой-то причине?

– Разве ты не должна сказать мне, какой кофе заказывать?

Я так сильно сжала челюсти, что пришлось уговаривать себя расслабиться. Поняв бесплодность попыток, я повернулась и посмотрела на женщину, которую мы с Уильямом звали «телефонисткой». Каждый будний день, во сколько бы я ни пришла в кофейню, она сидела за одним и тем же столиком, с открытым ноутбуком и телефоном у уха, к тому же разговаривала так громко, словно хотела, чтобы все слышали ее беседу. Иногда женщина обсуждала свою работу – она расшифровывала медицинские карты, – но чаще болтала на личные темы. Так в начале недели я узнала, что у одной из ее подруг диагностировали рак груди, а у нее самой аллергия на ростки пшеницы. И это я сократила.

Неудивительно, что и сейчас я слышала, как она своим громким, немного звонким голосом обсуждала стоимость

авиабилетов.

– Уильям всегда заказывает большую порцию латте с обезжиренным молоком. Всегда. А вот мама непредсказуема. Чаще всего она просит купить эспрессо с цельным молоком. А если у нее стресс, ей может захотеться двойного эспрессо. Но если она огрызается на тебя, то лучше бери простой. В таком состоянии она не почувствует разницы, и так будет лучше для всех.

Эмброуз ничего не ответил, и я увидела, что он внимательно изучает выпечку. Отлично.

– Эй! – воскликнула я. – Ты вообще слышал...

– Большую порцию латте с обезжиренным молоком и эспрессо с молоком для твоей мамы. Не надо возмущаться. Плюс к этому два круассана с шоколадом, разогретых так, чтобы он потек.

Я моргнула, удивленная, что он вообще хоть что-то запомнил.

– Я ничего не говорила о круассанах.

– Это для нас, – объяснил он.

– Но я не хочу круассан.

– Ты выглядишь нервной. Это поможет, – посоветовал он. – Не волнуйся, это за мой счет. Правда, возможно, мне потребуется занять пару баксов до зарплаты.

Позже я поняла, что в этом ответе сложилось все, что так раздражало меня в Эмброузе. Но в тот момент я просто молчала, не зная, что сказать. И тут мой телефон запищал.

Это было сообщение от Джилли: «ВОЛНУЕШЬСЯ? ГОВО-
РЯТ, В «А-КАДРЕ» БУДЕТ ПОТряСАЯ ВЕЧЕРИНКА.
МЫ СОЗДАЕМ ВОСПОМИНАНИЯ!»

– Вечеринка в «А-кадре»? – заглядывая мне через плечо,
спросил Эмброуз. – Где это?

Я тут же перевернула телефон.

– Серьезно? У тебя вообще есть манеры?

– Это же ты достала телефон во время нашего разговора, –
возразил он, но, заметив мой пристальный взгляд, добавил: –
Знаешь, тебе *действительно* нужен этот круассан.

– Следующий, – позвал бородатый парень чуть старше ме-
ня, стоявший за стойкой, который так сильно любил клет-
чатые рубашки, что Уильям окрестил его «дровосеком». –
Привет. Как дела в свадебном бизнесе?

– Так же безумно, как всегда, – сказала я, а затем указа-
ла на Эмброуза. – У него есть заказ, но ты, наверное, и сам
знаешь, зачем мы пришли.

– Возможно, – ответил «дровосек». – Но лучше скажите
мне.

– Я ухожу, – объявила я Эмброузу. – Не забудь взять лиш-
них салфеток.

– Оки-доки, – крикнул он мне вслед, когда я зашагала к
двери, – повеселись на выпускном!

Эти слова были сказаны таким радостным и добродуш-
ным тоном, который настолько не совпадал с моим настро-
ением, что я вновь невольно стиснула челюсти. Как мож-

но быть таким невосприимчивым к окружающим и не замечать, как сильно ты раздражаешь других? Когда я открывала дверь, этот вопрос все еще не давал мне покоя. Но внезапно все мысли, разговоры в зале и тихую музыку перекрыл голос «телефонистки».

– ...просто ужасный день, – жаловалась кому-то она. – Ты слышала о стрельбе в Калифорнии? Говорят, погибло пятеро детей. Пятеро. Это самое...

Я так сильно захлопнула за собой дверь, что даже задрезало стекло. Но никто этого не заметил. Ведь каждый погружается в собственный мир при первой же возможности.

Глава 5

– Видишь? – завопила Джилли. – Мы создаем воспоминания! Ты и я! Прямо как сказано в ежегоднике!

Вернее, мне казалось, что она произнесла именно это. Было трудно сказать наверняка, потому что нас окружала плотная толпа танцевавших под громкую музыку людей, которые вдобавок еще пытались перекричать ее, общаясь друг с другом. Мы находились в главном зале «А-кадра», в котором, по-видимому, проводились все вечеринки нашей школы в течение года. Джилли постоянно с кем-то здоровалась, я еще не увидела ни одного знакомого лица.

И вот я торчу здесь, после того как официально стала выпускницей школы, с теплым пивом в руке. Церемония, проходившая в актовом зале университета, была долгой и скучной, а жара и духота летнего вечера лишь все усугубляли. Каждый раз, когда я осматривала зал, сидя на своем месте среди выпускников, – Стив Барофф с покрасневшими глазами сидел рядом со мной и время от времени хихикал, – я видела, как люди обмахивались программками. И эти движения взад-вперед гипнотизировали меня. Я и сама не поняла, как встала со своего места и направилась к сцене, а затем и по ней, чтобы получить свой аттестат. Хотя приглашенных не раз предупреждали никак не выделять выпускников, и все закрывали на это глаза, меня не удивило, когда с задних ря-

дов донесся крик Уильяма: «Браво!»

Правда, меня терзала не только жара. Мысли то и дело возвращались к стрельбе в школе, подробности которой мне совершенно не хотелось знать. Но одноклассники обсуждали ее, пока мы выстраивались в пары, а директор аж трижды упомянула об этом, когда раздавала нам последние замечания перед церемонией. И я понимала причины: это случилось с такими же школьниками, в такой же государственной школе, и мы не могли сделать вид, будто ничего не произошло. К тому же еще несколько месяцев назад я, как и они, постоянно обновляла новостную ленту в телефоне или приклеивалась к телевизору, чтобы узнать новые подробности. Но затем произошла еще одна стрельба. И еще одна.

Кто-то толкнул меня в спину, и я обернулась, насколько смогла в этой тесной толпе. Позади меня стоял парень, с которым меня совсем недавно познакомила Джилли (Джефф? Джей?). Он принес нам свежее пиво. Его друг стоял позади Джилли, приобняв ее за талию, а подруга прижималась к нему и с улыбкой слушала то, что он шептал ей на ухо. Она называла это «жить моментом», и я пыталась соответствовать. Поэтому, когда Джефф – я почти не сомневалась, что его все-таки зовут Джефф, – протянул мне один из стаканчиков, я не стала отказываться.

– Это пунш! – заорал он мне в ухо. – Пиво закончилось!

Я посмотрела на напиток – ярко-синюю жидкость со странными вкраплениями.

– Отлично, – крикнула я в ответ, хотя ни за что на свете не собиралась это пить, – спасибо!

Он кивнул, затем обнял меня одной рукой за талию и начал покачиваться в такт музыке. Джефф был высоким, худым, с большими ушами и татуировками, которые выглядывали из-под воротника рубашки. Он ходил в другую школу в нашем районе, носил кошелек на цепочке и уже несчетное количество раз наступил мне на ногу своими тяжелыми ботинками, но при этом казался милым. К тому же я знала, что Джилли рада видеть рядом со мной хоть кого-то кроме Уильяма. И, конечно же, как только я подумала о ней, подруга высвободилась из объятий парня и наклонилась ко мне.

– Разве может быть что-нибудь *круче*? – закричала она, расплескав немного пунша на меня. – Берегись, колледж! Я иду!

Я с улыбкой кивнула ей, чувствуя, как рука Джеффа сжимается вокруг моей талии, чтобы притянуть к себе. Тело рефлекторно напряглось, и я попыталась увеличить расстояние между нами. Но мне не повезло. Он усилил хватку и склонился к другому уху.

– Я никогда не видел тебя здесь раньше, – сказал он. – Расскажи о себе.

И как я должна была выполнить его просьбу? Неужели он думает, будто я стану что-то рассказывать? Да и как это сделать, если нас то и дело толкают на переполненном танцполе, где даже не слышно собственных мыслей?

«Может, я слишком заморачиваюсь?» – подумала я. Нужно просто отделаться какой-нибудь ничего не значащей фразой. Я повернулась к парню, все еще обдумывая, что бы сказать, и открыла рот, но он внезапно поцеловал меня.

Я совершенно не ожидала этого. Не было никакого намека или неспешного приближения. Мгновение – и его большие губы внезапно захватили мои. Мгновение – и мой рот заполнил его язык и привкус пива.

Я тут же отдернула голову, но его рука крепко сжимала мое бедро, удерживая на месте.

– Не надо, – сказала я так громко, как не говорила весь вечер.

– О чем ты? – Он одарил меня легкой улыбкой, проводя второй рукой по спине. – Мы же просто танцуем, детка.

Я обернулась, чтобы поймать взгляд Джилли, но между нами неожиданно оказался паровозик из девушек с блестящими пластиковыми диадемами с надписью «Выпуск-2016». Музыка зазвучала громче, заглушая все крики, и я, покраснев от усилий, вновь попыталась вырваться из рук Джеффа. Ко мне потихоньку подступала паника от ощущения, что я попала в ловушку, к этому добавилось и раздражение от перьев с боа последней девушки, коснувшихся моего лица. Меня вдруг охватило то чувство, которое иногда брало верх, когда в один момент наваливается все и сразу. Перед глазами тут же мелькнула картинка с людьми, выбегающими из здания с поднятыми руками, отчего желудок сжался.

«Дыши, – сказала я себе, на секунду закрыв глаза. – Я в безопасности. Все в порядке». Но картинки вспыхивали вновь и вновь. С разных ракурсов, с разными деталями. А потом вдруг перед глазами появились песчаный пляж и парень в белой рубашке, протягивающий руку. Меня тут же окутало чувство комфорта, безопасности и уюта. Несмотря на то что подобного не случилось уже несколько месяцев, я чувствовала, как паника начинает постепенно расти. Поэтому вновь попыталась отстраниться от Джеффа. Но он не собирался меня отпускать и даже дернул к себе, отчего перед глазами все поплыло.

Я зажмурилась, вновь и вновь мысленно твердя знакомую молитву: «Итан, Итан». А потом почувствовала, что передо мной кто-то стоит. Открыв глаза, я увидела прямо перед собой лицо Эмброуза Литтла.

– Паровозик! – крикнул он Джеффу, недоуменно смотревшему на него через мое плечо.

А затем потянулся к моей руке. Не раздумывая, я ухватилась за Эмброуза, и он потащил меня за собой в гущу толпы.

* * *

– Ты видела уши того парня? Как думаешь, он все слышит громче, чем мы?

Я пыталась восстановить дыхание, но беспокойство из-за того, что у меня не получится, лишь все усугубляло. На сей

раз меня радовала глупая болтовня Эмброуза, потому что позволяла цепляться за его слова с каждым вздохом.

– Я к тому, что это явно его отличительная черта, – продолжил он, а мой взгляд невольно устремился к его такой притягивающей пряди на лбу. – И тут уже ничего не поделать. Карты розданы и все такое. Но, готов поспорить, его в детстве часто звали лопоухим. А если нет, то ему крупно повезло. Кстати, ты собираешься это пить?

Задумавшись на мгновение, я перевела взгляд на стаканчик в руке, о котором успела позабыть.

– Он же синий, – выдавила я.

– Это «Пирог в небе». Его готовят из черничного сиропа и водки. Дешево, крепко и – да – синего цвета. Тебе не понравилось?

Я протянула ему стакан, все еще пытаюсь восстановить дыхание, и он сделал большой глоток, поморщился, а затем поставил пунш между нами. Влившись в ряды танцевавших «паровозик», мы улизнули от Джеффа и с танцпола, после чего вышли из «Треноги» на переднюю террасу. Неподалеку от нас стоял пустой бочонок из-под пива, заставленный мятыми стаканчиками, а в полутемном углу целовалась парочка. Несмотря на теплую погоду, меня пробирал озноб. До сих пор.

– Эмброуз! – В дверях появилась высокая рыжеволосая девушка с веснушками и боа, а затем, спотыкаясь, направилась к нам. – Вот ты где! Я тебя потеряла.

– А теперь я нашелся, – с улыбкой ответил он. – Ты изумительна, Грейс.

Она так засияла от этих слов, что мне даже показалось, будто ее лицо светится в темноте. У меня мелькнула мысль: девушка на парковке загородного клуба смотрела на него так же, словно внимание этого милого парня давало им власть над миром.

– Потанцуй со мной, – попросила она, протягивая руку Эмброузу. – Ты же обещал, помнишь?

Единственная лампочка светила у нее за спиной, выделяя перья на боа, которые колыхались на ветру. И я вновь поняла, что меня топят эмоции и чувства, поэтому тут же отвела глаза.

– Я человек слова, – протягивая ей руку, ответил Эмброуз. Но он даже не попытался обхватить ее ладонь, а медленно провел по ней пальцем. – Но мы с Луной обсуждали дела. Так что я чуть позже найду тебя.

Грейс опустила руку и надула губы.

– Я не люблю ждать.

– Пять минут, – сказал он и в подтверждение изобразил это пальцами.

Девушка на мгновение прижала свою ладонь к его руке – этот жест отчего-то показался мне интимным, – а затем отступила на шаг.

– Встретимся у чаши с пуншем, – продолжил Эмброуз, – и я закружу тебя в танце.

И снова ее лицо засветилось, а взгляд стал затуманенным.

– Именно на это я и рассчитываю, – сказала девушка, развернулась и медленно пошла обратно, как делают все, когда знают, что за ними наблюдают.

Как только она скрылась за дверью, Эмброуз вновь взял мой стаканчик и допил остатки пунша.

– Ты это серьезно? – спросила я, когда он смял в руке стаканчик.

– Что «это»?

Я кивнула в сторону приоткрытой двери, за которой скрылась Грейс.

– То, как ты с ней разговаривал. Шутил или нет?

– Я всегда говорю серьезно, если речь заходит о хороших девушках, – ответил Эмброуз.

Уверена, так и было.

– Не переживай из-за того, что не понимаешь меня, – сказал он. – Я вроде как человек-загадка. Меня трудно понять и разгадать.

– Вот только люди, которых трудно понять, не стали бы заявлять об этом во всеулышание, – отметила я.

– Это часть моей загадочности: всегда оставаться непредсказуемым. Так что с тобой произошло там?

Я моргнула, удивившись этой неожиданной смене темы.

– На танцполе жарко, – сказала я, – и у меня закружилась голова.

– Значит, твой лопухий друг не приставал к тебе?

Я подняла руку и заправила волосы за ухо.

– Он просто решил пообниматься.

– Скорее уж стиснуть тебя в объятиях. – Эмброуз уперся ладонями в перила и вытянул ноги перед собой. – Если приходится так сжимать девушку, то ты явно сделал что-то не то. И уж точно не был загадочным.

– Меня познакомила с ним подруга, – сказала я.

– Может, пришло время поменять подругу?

– Нет, – покачав головой, возразила я. – Она хотела как лучше. Я не... В последнее время мне не слишком часто доводилось общаться с парнями. И она пытается это изменить.

– Не общалась с парнями? Это как?

Но не успела я ответить, как дверь открылась вновь. Первой мыслью было, что вернулась Грейс, так как на появившейся гостье тоже красовались диадема и боа. Однако, когда она подошла ближе, я поняла, что это одна из ее подруг – невысокая девушка с выразительными формами и темными волосами.

– Эмброуз! Ты что, решил спрятаться от меня?

– Кажется, обычно это делаешь ты, – сказал он с улыбкой.

Она тут же приняла сексуальную позу и положила руку на бедро.

– Тебе не кажется. Я слишком хороша и горяча. А теперь идем внутрь, ты обещал, что сфотографируешься со мной.

– Ты слишком горяча для меня. Дай мне передохнуть пять минут.

Девушка вновь надула губы. Неужели я единственная, кто никогда так не делал?

– Я не собираюсь кого-то ждать!

– Я не «кто-то». Я Эмброуз. – И он подмигнул – подмигнул! – ей. – Пять минут, и я буду готов к чему-то погорячее.

Она перенесла вес на другую ногу и сказала:

– Надеюсь, так и будет.

Я изо всех сил старалась не скривиться от отвращения, потому что уже вполне восстановила дыхание. Несмотря на всю нелепость этих разговоров, они здорово помогли отвлечься.

– Увидимся чуть позже, – сказал Эмброуз.

И через мгновение девушка развернулась и направилась в «Треногу», поправляя на ходу волосы.

– Ого, – выдохнула я, когда за ней закрылась дверь.

– Согласен. Я люблю недомолвки, но иногда это выходит из-под контроля.

– Откуда ты вообще знаешь этих девушек? – спросила я. – Ты же совсем недавно переехал в город.

– Они подобрали меня, когда я шел сюда.

– Ты пришел сюда пешком? Почему?

«Тренога» располагалась не на окраине, но и не в центре города.

– Я везде хожу пешком. – Он поднял одну ногу, а затем вторую. – Только я, а еще Топ и Топ.

– По собственному желанию?

– По закону штата Калифорния, – ответил он. – Меня лишили прав.

Я почти не удивилась, услышав это.

– Из-за того, что ты разбил машину своей мамы?

– Частично. А ты не общалась с парнями по собственному желанию или из-за своего характера?

– Что значит «из-за моего характера»?

Эмброуз пожал плечами.

– Ты немного вспыльчива.

– Вовсе не вспыльчива, – сказала я, но отчего-то прозвучало именно так. Затем сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. – Просто... у меня был тяжелый год. И свидания точно не значились в списке приоритетов.

Эмброуз вздрогнул.

– Боже, кто ходит на свидания?

– Ну, судя по всему, не ты.

– Мне нравится процесс, а не финал. Мой конек – ухаживания.

Я уставилась на него.

– Ты правда сказал, что ухаживания – твой конек?

– Ты не только вспыльчива, но и плохо слышишь? – Я скорчила гримасу, а он тут же передразнил меня и добавил: – Неспроста это называется азарт погони.

– Значит, ты не любишь обязательства.

– Конечно нет. На это решаются лишь сумасшедшие, – сказал он, отчего у меня вырвался вздох. – Послушай, я же

никого не обманываю. И всем ясно даю понять: у меня и в мыслях нет серьезных отношений.

– Разве ты не пообещал танец и выпить одной, а затем что-то «погорячее» другой?

– Это не отношения, а завоевания. В этом и есть разница. Дверь снова открылась. Я ожидала увидеть еще одну девушку в боа, но в проеме показалась голова Джилли. Она осмотрела террасу и, увидев меня, вздохнула, а затем поспешила к нам.

– Я так переживала! – Она уже давно сняла свои туфли, которые на самом деле были моими. – Что произошло? Мы весело танцевали, а спустя секунду ты испарилась.

– У меня слегка закружилась голова, – сказала я.

– И ее хорошенько облапали, – добавил Эмброуз. – Лопухий просто не давал ей вздохнуть. У тебя наконец-то появилась возможность познакомиться ее с парнем, а ты решила сразу все испортить?

Судя по всему, Джилли сильно переволновалась, потому что даже не обратила внимания на Эмброуза. Обычно она ничего не упускала из виду, особенно парней. Но после его слов она повернулась к нему и выпалила:

– А ты, черт возьми, кто такой?

– Эмброуз Литтл, – протягивая руку, представился он. – Я коллега Луны.

– Не ври мне.

– С чего ты это взяла?

– С того, что Луна моя лучшая подруга и я знаю о ней все, в том числе тех, с кем она работает. А тебя я никогда не видела.

– Ну, судя по всему, ты слишком высокого мнения о себе. Весьма странно считать, что если ты не знаешь о человеке, то его вообще не существует.

Она молча смотрела на него, подыскивая слова, поскольку отступить было не в ее стиле. Но, видимо, беспокойство о подруге оказалось сильнее, потому что она отмахнулась от Эмброуза и повернулась ко мне.

– Я не знала, что Эрик станет распускать руки. Прости. Там творилось настоящее безумие.

Боже, как же сильно я ошиблась с его именем. Правда, сейчас меня это не сильно волновало.

– Все в порядке. Просто сегодня был тяжелый день и...

– Знаю. – Она посмотрела на Эмброуза. – Кто этот парень?

– Эмброуз Литтл. Я коллега Луны.

– Нет, – твердо ответила она, – не коллега.

– На самом деле... – начала я, и на лице Джилли вспыхнуло смущение, – с сегодняшнего утра он вроде как мой коллега. Его сестра – наша клиентка. Он танцевал рядом, когда Эрик начал меня лапать, и...

– Укатил ее на танцевальном паровозике, – закончил за меня Эмброуз. – Это одно из моих многочисленных достоинств.

Джилли вновь пристально посмотрела на него.

– Ты мне не нравишься, – наконец выпалила она.

– Обычная реакция, – ответил он. – Но ты изменишь свое мнение. Со временем.

Она ошарашенно посмотрела на меня. И все, что я могла ей сказать, – это:

– Знаю.

Дверь снова открылась. Однако на этот раз в проеме появилась лишь рука, обвитая боа. Это была Грейс, «горячая штучка» или кто-то еще? Правда, больше всего сейчас бесило то, что мне оказалось не все равно.

– Эм-броуз! Где ты?

– Кажется, это за мной. – Он выпрямился и отряхнул руки, а затем повернулся ко мне. – Ты в порядке? Сейчас получше?

«Если бы», – подумала я. Да и могло ли так быть вообще? Я чувствовала на себе взгляд Джилли, от внимания которой точно не ускользнула эта мимолетная пауза между его вопросом и моим ответом.

– Да, в порядке, – сказала я. – Еще раз спасибо.

– Мне не сложно. – Эмброуз провел рукой по волосам и слегка поклонился Джилли. – Приятно было познакомиться.

– Мне тоже, – явно насторожившись, ответила та.

– Видишь? Ты уже оттаиваешь.

Он ухмыльнулся, а затем развернулся на одной ноге, сунул руки в карманы и направился к двери, где его поджидало множество девушек в боа. Подойдя ближе, Эмброуз протянул им руки и заулюлюкал. Девушки закричали в ответ и

утянули парня внутрь.

Джилли какое-то время задумчиво смотрела на меня, а затем уселась напротив.

– Не странно ли, что он кажется удивительно привлекательным, хотя совершенно мне не понравился?

– Да, – устало ответила я.

– Так и думала. Но он все равно не в моем вкусе, – решила она. – Парень очень красив и прекрасно это знает. Не говоря уже о том, что за километр понятно: он мерзавец.

– Думаешь? – спросила я.

– А разве нет?

Если бы она задала этот вопрос чуть раньше, в тот день, или даже на свадьбе, где мы с Эмброузом впервые встретились, я, конечно, ответила бы «да». Слишком уверенный в себе, он знал силу своего обаяния почти не обращал внимания на эмоции или чувства других людей, поскольку был таким же легкомысленным, как и все, кого я когда-либо встречала. Поэтому неудивительно, что Эмброуз охмурил каждую из девушек в боа, чтобы добавить в свой список побед.

Но из головы так и не выходил тот случай на танцполе. Там он выглядел совершенно по-другому, когда из-за охватившей меня паники все пошло наперекосяк, а в ушах свистело настолько сильно, что я едва не потеряла сознание. Как и после, когда Эмброуз сидел со мной на террасе, заполняя тишину бессмысленной болтовней, пока я сражалась за каждый вдох. А еще удивляло то, что случилось между этим, со-

вершенно незначительный нюанс: Эмброуз схватил меня за руку и начал вытаскивать с танцпола, я же – вспыльчивая, недружелюбная – крепко сжала его пальцы. И он сжал мои в ответ. Словно я задала ему вопрос, а он на него ответил. Или принял брошенный вызов, не говоря ни слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.